

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

АРТЕФАКТ
С ТЕМНЫМ ПРОШЛЫМ

Черная кошка

Николай Леонов

Артефакт с темным прошлым

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Артефакт с темным прошлым / Н. И. Леонов — «Эксмо»,
2022 — (Черная кошка)

ISBN 978-5-04-181528-8

Еще одна книга легендарного тандема Леонов — Макеев. Похищена ценная статуэтка, найденная во время раскопок на Урале. Пытавшийся помешать краже сторож был убит. Полковники МВД Гуров и Крячко допрашивают заинтересованных лиц, в том числе ученых-археологов с мировым именем. У каждого из них своя версия случившегося: от кощунственной кражи уникального артефакта до изначальной фальсификации самого открытия. В качестве независимого консультанта сыщики привлекают опытного специалиста старой научной школы. Признание пожилого профессора повергло оперативников в настоящий шок... Николай Леонов, в прошлом следователь МУРа, не понаслышке знал, как раскрываются самые запутанные уголовные дела. Поэтому каждая его книга — это правдивая захватывающая история с непредсказуемой интригой и неожиданным финалом. Главный герой этих книг, полковник Лев Гуров — сыщик высокого класса, к тому же с массой положительных человеческих качеств. Его уважают друзья, боятся враги и любят женщины. Он — настоящий отечественный супермен. Романы о Льве Гурове вот уже сорок лет неизменно привлекают поклонников отечественного детектива. Ставшая классической серия «Черная кошка» насчитывает более 200 книг, вышедших тиражом в десятки миллионов экземпляров.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-181528-8

© Леонов Н. И., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Артефакт с темным прошлым	7
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Николай Леонов, Алексей Макеев

Артефакт с темным прошлым

Оформление серии художника В. Щербакова

Иллюстрация художника В. Нартова

© Макеев А. В., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Артефакт с темным прошлым

...Это была кипучая, яростная схватка. Футболисты «Динамо» и «Спартак» (уже в который раз за историю своего существования!) бились за чемпионский титул. Прошло полчаса после начала матча, команды успели обменяться голами, но вот ощущения того, кто из них сегодня окажется фаворитом спортивной удачи, даже у самых опытных и прожженных знатоков спорта так и не появилось. Спартаковцы (они же – «красно-белые», они же – «гладиаторы») в сегодняшней игре избрали тактику стремительных, прорывных атак. Их соперники-динамовцы (они же – «бело-голубые», они же – «динамики») сделали упор на комбинаторику и активные, энергичные контратаки.

Наблюдая за полем и внимая неумолчному гвалту трибун, опера главка угрозыска Лев Гуров и Станислав Крячко напряженно ждали голевого момента. Они болели за «Динамо» (а как же иначе?! – считай, «ментовской» спортивный клуб), и лавина очередной атаки «красно-белых» их серьезно напрягала: а вдруг она закончится мячом в динамовских воротах? И вот в этот самый напряженный момент, едва пробиваясь через неистовство переполненных трибун, из кармана Льва до его слуха вдруг донесся сигнал телефонного рингтона. Судя по тому, что гаджет выдавал неувядающее «...Как хорошо быть генералом, как хорошо быть генералом...», звонил Гурову не кто-нибудь, а их со Стасом непосредственный начальник (а еще и старый приятель!) генерал-лейтенант Петр Орлов.

Только что не скрежеща зубами, Лев быстро достал телефон и, поднеся его к уху, сердито бросил:

– Да?!

И именно в этот момент зрители, сидевшие впереди него, разом вскочили на ноги, сопровождая это истошным ревом, вскидывая руки и высоко подпрыгивая. Поэтому чем завершилась атака «гладиаторов», Гуров увидеть не смог.

– Ну, чего тебе?! – спросил он без намека на пиетет, не тая раздражения. – Говори громче!

– Да я говорю, – едва разборчиво из-за несмолкающего ора и оглушительного свиста почти прокричал Орлов, – что, как только освободитесь, немедленно прибудете ко мне. Понял, да? Оба в главк!

– Да понял, понял! – снова получив возможность видеть поле, Гуров едва удержался, чтобы не добавить ядреное, соленое словцо.

Сунув телефон в карман, Лев склонился к Стасу и сообщил ему о том, что их общий приятель-начальник ждет обоих у себя в кабинете.

– Опять «глухаря» хочет подсунуть? – Крячко скривился, как от порции крепкого уксуса.

– Скорее всего, – поморщился Лев, безнадежно махнув рукой. – Что там на поле?

– Штанга! – оптимистично улыбувшись, Стас изобразил жест, как если бы он сам поставил штангу ворот на пути коварного спартаковского мяча.

– Ну, наверное, этим все и ограничится – счетом один-один... – Гуров иронично усмехнулся. – Что-то уже и смотреть не хочется. Всю охоту перебил наш «ген-лейт».

– Да-а-а, он на это мастак... – согласился Крячко. – Блин! Я теперь буду думать только про этого «глухаря». Все, футбол ушел на второй план. Тьфу, твою дивизию! Ну что? Поехали прямо сейчас?

– Поехали... – досадливо вздохнув, Лев поднялся на ноги.

То и дело натываясь на чьи-то коленки и извиняясь перед их обладателями, опера бочком двинулись к проходу между секторами трибун. Проводив их взглядом, бородач, рядом с которым сидел Гуров, с многозначительным видом спросил у своего соседа справа:

– В курсе, кто эти двое?

– Какие-нибудь крупные деятели из РФС? – попытался угадать тот.

– Ну-у-у, что ты! При чем тут Российский футбольный союз? – рассмеялся бородач. – Это самые крутые сыщики в системе МВД! Полковник Гуров и полковник Крячко. Работают всегда только по «крупняку». Раскрывают любые дела, осечек у них не бывает. Шерлок Холмс и комиссар Мегрэ завистливо курят в сторонке.

– А вам откуда это известно? – с некоторым подвохом уточнил его собеседник.

– Так я с Гуровым в одном доме живу. Правда, в разных подъездах... – с некоторой даже горделивостью сообщил бородач. – Кстати, мы с ним даже немного знакомы! Да-а-а!

...А Гуров и Крячко, покинув пределы стадиона, сели в свои авто (Лев – в серый «Пежо», а Стас – в ретро-«Мерседес») и, дав газку, отправились в свою родную «контору». Руля по столичным улицам, приятели напряженно шевелили извилинами. В ходе своих размышлений они заранее подбирали наиболее веские, наиболее убедительные аргументы, которые могли бы помочь им избавиться от нежданного-негаданного «глухаря», свалившегося на их голову.

Вся язва крылась в том, что буквально вчера они закончили запутаннейшее дело, которое как нельзя лучше пригодились бы в качестве сценария для индийского сериала. Гуров и Крячко разбирали дело двух братьев-близнецов, один из которых был человеком очень богатым, а другой – предельно нищим. И вот случилось так, что того, что был нищим, убили. Но родственники братьев подняли тревогу. По их мнению, некие хитрые злодеи на самом деле убили богатого, а вместо него подсунили бедного, для того чтобы завладеть многомиллионным состоянием. А потому, требовали единокровники, сей же час признайте нас законными наследниками. Опера распутала все хитросплетения этой истории и установили, что на самом деле оба брата живы и здоровы и что они специально придумали эту историю, чтобы найти морально оправданный повод всех прочих родственников «послать лесом». За раскрытие этого дела Орлов наградил Льва и Станислава сразу двумя выходными. Сегодня они реализовывали первый.

...Когда они подъехали к главку, по городскому ФМ-радио услышали о том, что матч «Динамо» – «Спартак» и в самом деле закончился с ничейным счетом – один-один.

Выйдя из своего «мерина», Станислав саркастично прокомментировал:

– Ну, Лева! Напророчил! Слышал? И в самом деле – братская ничья. Блин! И когда же эти наши футбольныши начнут играть на уровне бразильцев?

– Ничего, Стас, кое в чем мы и бразильцев опережаем! – Гуров включил «сигналку» своего авто и оптимистично улыбнулся. – Не так давно в Бразилии состоялось мировое первенство антропоморфных роботов по футболу. Так наши роботы почти всухую уделали все команды. И бразильцев в том числе!

– Да будет тебе гнать небылицы! – Крячко недоумевающе воззрился на приятеля. – Прямо сейчас, что ль, придумал?

– Придумал? – Лев рукой изобразил жест, который можно было понять как «не знаешь – не болтай!». – Ха-ха! Рекомендую: выходишь в интернет, ищи там не девушек в мини-бикини, а новости спорта, науки и техники.

Стас на это ничего не ответил, лишь издал громкое, конфузливо-недовольное «гм!».

Когда опера вошли в приемную Орлова, его секретарша Верочка, которая традиционно «зависала» на телефоне, скороговоркой обсуждая с кем-то из своих подружек последние тенденции высокой моды, приветливо улыбнувшись, жестом вождя мирового пролетариата размашисто указала вытянутой рукой на дверь своего босса. Это можно было понять как: шеф ждет! И очень даже напряженно.

Переглянувшись (да-а-а, судя по всему, привалило им «счастья» – хоть бочками его маринуй!), опера несколько настороженно шагнули в кабинет. С первого же взгляда было заметно, что Петр пребывает в хмуром раздражении. Увидев визитеров, он небрежно бросил на аппарат телефонную трубку, сопроводив это сокрушенным вздохом, и задумчиво покачал головой.

– Здорово, мон шер дженераль! – изучающе глядя на приятеля-начальника, с ноткой иронии поздоровался Гуров.

– Здравствуйте, здравствуйте, ваше генералейшество! – скомедианствовал Стас. – Дрожим от нетерпения, ибо жаждем услышать: чем же это ты собрался нас «осчастливить»?

– Привет, мужики! Присаживайтесь... – несколько постно, без намека на какое-либо воодушевление, ответил им Орлов, кивком указав на гостевые кресла.

– Ого! – вполголоса произнес Крячко, изучающе глядя на Петра и чуть крутанув головой. – Да ты сам-то, господин начальник, как я погляжу, пребываешь в загадочной для меня меланхолии и труднообъяснимом унынии. Ладно там, своим звонком ты нам обоим в наш законный выходной перебил весь футбольный кайф. Тут и в самом деле не знай как загрузишь... А ты-то что в печали?

Коротко рассмеявшись с какой-то нервинкой, Орлов широким жестом указал на стопку скоросшивателей:

– Считать умеешь? За один лишь вчерашний день – сразу пять дел! Пять! Одно другого краше. Вот, пожалуйста... Крупное хищение в коммерческом банке «Золотой процент». Что случилось? Неведомо каким образом из его хранилища исчезло сто сорок миллионов рублей. Еще дело: при загадочных обстоятельствах бесследно пропала жена владельца сети бутиков «Парижский шарм»... Еще происшествие: гражданин Италии, неделю назад прибывший в Москву по вопросам бизнеса, подозревается в убийстве своего бизнес-партнера. При этом он сам категорически отрицает свою вину, хотя все улики против него. Кстати, именно это дело я и собирался поручить кому-то из вас. Но... – Петр сделал паузу и широко развел руками.

– Но этому воспрепятствовали некие чрезвычайные обстоятельства... – понимающе качая головой, продолжил за него Гуров.

– Да! Представьте себе! – с оттенком досадливой язвительности подтвердил Петр. – Именно обстоятельства в лице... – он указал глазами куда-то вверх.

– Ого! – уже в другой тональности повторил Стас и почесал затылок. – Ты хочешь сказать, этот вопрос держат на контроле у... – он выразительно взглянул на Орлова.

– Именно! – сердито рассмеялся тот. – Он мне звонил около часа назад и лично приказал бросить лучшие силы на поиск преступников. Так что, господа сыщики, можете не брыкаться. Команда дана с самого верха, причем персонально вам. Вот так!

– Впечатляет... – Лев чуть заметно усмехнулся. – И в чем же суть случившегося? Где, так сказать, собака зарыта?

– Лева! Ты что, уже капитулировал и согласился впрячься в эту «телегу»? – с сожалением удивлением на него воззрился Крячко.

– Ста-а-с! – урезонивающе протянул Гуров. – Очнись! Если приказал САМ, то отменить это решение может только лично он или тот, кто над ним. Давай позвоним в Кремль и скажем, что с таким раскладом не согласны, что у нас ЧП: из двух своих законных выходных мы смогли реализовать всего один, и то наполовину. Как считаешь, что нам на это ответят?

Станислав на это ничего не сказал, лишь громко и тягостно вздохнул. Утвердительно кивнув, Орлов сцепил меж собой пальцы рук и, опершись локтями о крышку стола, вполголоса признался:

– Я сам не в восторге от этого приказа, но деваться некуда, будем исполнять. Суть дела вот какая... Фильм «Джентльмены удачи» помните?

– О-о-о... Его я еще пацаном смотрел в нашем районном кинотеатре, носившем громкое такое название «Маяк революции», – Лев ностальгически улыбнулся. – Ты хочешь сказать, что где-то и в самом деле нашли золотой шлем Македонского?

Петр чуть качнул головой из стороны в сторону:

– Нет, нет... Нашли, но не золотой, и не шлем, и не Македонского вовсе. Палеонтологическая экспедиция, которая вела раскопки на Южном Урале, обнаружила некий артефакт, который может «поставить на уши» всю мировую науку...

Как рассказал он далее, информацией о случившемся располагает самой скудной. Но из того, что услышал в разговоре с руководителем своего ведомства, понял достаточно однозначно: находка палеонтологов представляет для исторической науки колоссальную ценность. Однако найденный артефакт кто-то похитил, да еще и убил сторожа при этом. И поэтому нужно приложить все силы для того, чтобы раскрыть это преступление. Более того! Нужно сделать все возможное и невозможное, чтобы похищенный артефакт не был вывезен за границу.

– ...Поэтому, парни, вам сегодня же нужно отправиться к месту раскопок, чтобы в самые сжатые сроки собрать всю необходимую информацию и столь же оперативно провести расследование. Такую установку руководство министерства дало мне, ну а я даю вам. Через два часа вылет вашего самолета, поэтому оперативненько собирайтесь – и в дорогу. Командировочные, причем повышенные, уже выписаны. Билеты до Екатеринбурга уже оплачены.частливого пути!

– Ладно, ладно, полетим! – направляясь к двери, Гуров на ходу махнул рукой. – Но прошу учесть один существенный момент: у вора всегда есть фора. Пока мы ищем похитителя, он – точно! – может успеть вывезти ту штуковину за бугор. Поэтому потрудись-ка напрямч таможенню и погранцов, чтобы как следует бдили на своих постах.

– Займусь! – кивнул Орлов, потянувшись за телефонной трубкой.

Выйдя от друга-начальника, к своему служебному кабинету опера некоторое время шли молча.

– Да-а-а... – неожиданно заговорил Стас, недоуменно пожимая плечами. – Лихо он нас обработал! Шли ведь, рассчитывая, что «глухаря» отфутболим и свои законные выходные отгуляем. А на деле что получилось? – риторически спросил он.

– А на деле получилось в полном соответствии со старым конторским приколом: что такое плодотворный обмен мнениями? Это когда заходишь к начальнику со своим мнением, а выходишь с мнением начальника, – смеясь, ответил Гуров. – Ладно, что уж теперь? Будем собираться в Екатеринбург. Надо позвонить Марии, предупредить, что сегодня домой не приеду...

Войдя в кабинет и заняв место за своим столом, Лев достал из кармана телефон. Он набрал номер Марии Строевой – ведущей актрисы одного из самых крупных столичных театров – и после второго или третьего гудка услышал голос жены.

– Лева, я на репетиции. В двух словах – что у тебя? – вполголоса, скороговоркой спросила она.

– Мы со Стасом спешно командированы в Екатеринбург. Сегодня меня не будет. Вернусь дня через два-три, – такой же скороговоркой извещил он.

Закончив разговор, Гуров сунул телефон в карман, и в этот момент до его слуха донесся голос Станислава, который кому-то давал пояснения:

– ...Нинусик, ну не надо так переживать! Это недолго, максимум дня два-три. Да, да, конечно! Да, разумеется, все самоцветы Уральских гор – к твоим ногам... Пока, пока!

Взглянув в сторону Гурова и поймав его взгляд, Крячко издал конфузливое «гм-гм!» и, шмыгнув носом, пояснил:

– Да! Это – Нина, с ней мы знакомы уже целых десять дней. Да, у нас все серьезно. Очень серьезно!

– А Наташа где? – поинтересовался судьбой жены приятеля Лев.

– Я не говорил тебе разве? К маме уехала, – махнул рукой Крячко. – Сказала, что устала от жизни оперской жены, надоело ей, видишь ли, постоянно за меня бояться. Так что я, как брошенный мужчина, пытаюсь устроить личную жизнь.

– Да пожалуйста, пожалуйста! – Лев великодушно развел руками. – Как, наверное, ты мог заметить, я уже давненько перестал обращать внимание на твои сердечные дела. С Ниной ты, Зиной или Региной... Да хоть с бригаантиной! Для меня главное, чтобы у тебя была внутренняя установка думать прежде всего о работе, а не отвлекаться на какие-то душевные переживания. Только и всего. Ладно, давай отчаливать в Шереметьево. Самолет уже «под парами»...

Достав из шкафа уже несколько запыхавшиеся «дежурные» дорожные сумки (последний раз такой экстренный выезд случился более двух месяцев назад), опера направились в бухгалтерию. Получив там командировочные, на служебной «Приоре» (и «Пежо», и «мерин» в ожидании хозяев остались скучать на ведомственной стоянке) приятели покатали в аэропорт.

Глядя на проносящиеся мимо городские ландшафты, Станислав задумчиво резюмировал:

– Чую, побегать нам придется с избытком... Да и копать придется очень глубоко. Во всяком случае, комедийных «Джентльменов удачи – два» в этой истории не вижу.

– Да, это верно... – тоже глядя в окно, Гуров коротко кивнул. – И искать нам придется не анекдотичных Доцента, Хмыря и Али-Бабу, а кого-то куда более хитрого и опасного, готового пойти на крайность...

– Как считаешь, убийство сторожа для вора было обусловлено какой-то необходимостью или тот стал его случайной жертвой? – потеряв пальцем кончик носа, Стас покосился в сторону Льва.

– Хм... Пока судить об этом трудно, но в большей степени склоняюсь к тому, что изначально убийство не предполагалось. Скорее всего, сторож в поле зрения вора возник внезапно, и тот, запаниковав, его убил. Надо сказать, сделал этим большую ошибку. Любой вор знает, что убийство, которое он совершил в момент кражи, однажды может не только стать отягчающим обстоятельством на суде, но и ускорить его поимку. Поэтому сделать можно два предположения: украл раритет или вор-новичок, или вор со стажем, но опасющийся за свою жизнь.

– Считаешь, что кража была совершена по чьему-то заказу и вор очень боялся заказчика? – с некоторым сомнением в голосе уточнил Крячко.

– Почти уверен в этом, – коротко ответил Гуров и, мгновение помедлив, добавил: – Еще уверен и в том, что вор, убив сторожа, самому себе наверняка подписал смертный приговор.

– Хм-м-м... – пожав плечами, протянул Стас, скорее всего, собираясь добавить свои резоны.

Но тут в разговор неожиданно вклинился шофер «Приоры», прапорщик Женька, уже не раз возивший их по столице и ее окрестностям.

– Прошу извинить, если суюсь не в свое дело, – с некоторой таинственностью в голосе заговорил он, – но, я так понял, вы говорили про тот случай в Свердловской области на раскопках в горах? Ну, где нашли совершенно невероятный артефакт, который кто-то похитил?

– Да, Женя, именно про это. А ты откуда знаешь о раскопках и пропаже? – Лев изучающе взглянул на водителя.

– Так, Лев Иванович, телик же я смотрю... – Евгений жизнерадостно улыбнулся. – Мне вообще такие программы про всякие там тайны и чудеса очень нравятся. Я по ТВ смотрю только новости и телеканал «Загадки мироздания». Там чего только не показывают! Вот как раз вчера и упоминали в одном из сюжетов про экспедицию профессора Рябинина. А еще говорили о том, что он выдвинул новую версию эволюции жизни на Земле. По его мнению, первыми разумными существами на планете были не млекопитающие и даже не рептилии, а огромные насекомые. Да, представьте себе!

– Ну-у-у!.. – смеясь, протянул Крячко. – Это вообще ни в какие ворота не лезет. Он бы еще, например, моллюсков назвал первыми разумными существами!

– Станислав Васильевич, а моллюсков, между прочим, я имею в виду головоногих, зоологи уже давно называли «приматами моря»! – со значением в голосе парировал Женька.

– А-а-а, да! Точно! – конфузливо поморщившись, Станислав согласно кивнул. – Про головоногих я как-то забыл... Но, Жень, все равно считать, что на Земле могли быть разумные насекомые, – это как-то несерьезно. Скажем, пчелы, термиты там, муравьи... Да, в их насекомой жизни есть какие-то намеки на вроде бы разумное поведение. Но мозгов-то у них, что называется, кот наплакал! А объем «черепушки», количество мозга, согласись, в первую очередь показывает способность существа быть разумным.

– Станислав Васильевич! – лихо крутя баранку, Женька торжествующе рассмеялся. – К вашему сведению, мозг слона весит пять кило, а у нас всего полтора. Но я что-то еще не видел слона, который бы, например, писал стихи или хотя бы знал таблицу умножения!

Это было что-то вроде удара под дых.

– А-а-а... Так, э-э-э... – начал было Крячко формулировать свои возражения, но Гуров в этот момент своим лаконичным замечанием прервал затянувшуюся дискуссию:

– Подъезжаем! Быстро на регистрацию!

Выйдя из «Приоры» у здания аэропорта, опера достала из багажника свои сумки и скорым шагом поспешили через толпу отбывающих, прибывающих, провожающих и встречающих. Взяв по ступенькам к входным дверям, Станислав на ходу настойчиво втолковывал Льву:

– ...Дело-то ведь не только в количестве мозгов, но и в их качестве, в количестве в них этих самых... М-м-м... Синапсов! Важно и то, сколько в них серого вещества!..

– Стас, успокойся! – сдержанно помахав рукой, Гуров быстро огляделся по сторонам. – Я не Женька, мне слонowo-насекомо-мозговые проблемы, как выражаются молодые, «по барабану». Нам туда! – указал он на очередь у одной из стоек.

Когда они, покончив с формальностями, уже шли на посадку, покопавшись в своем смартфоне, Крячко вполголоса объявил, не тая досады и разочарования:

– Заглянул в интернет... Да, у слона, оказывается, и в самом деле около пяти кило мозгов. Е-к-л-м-н! Им, при таких анатомических показателях, давно уже пора бы стать хозяевами не только всей Солнечной системы, но и Галактики в целом! Мозгов – пять кило! Думай – не хочу! А они, ешкин кот, даже на Земле не из доминирующих. Вот тебе и «венец творения эволюции», позволяющий править миром! Это я про мозг.

Лев на это лишь понимающе усмехнулся: ну что уж теперь поделаешь?! Когда опера разместились в креслах видавшего виды «Боинга» и он, загудев турбинами, начал разбег по взлетно-посадочной полосе, Стас, позевывая, поинтересовался:

– А в Катер... то бишь в Екатеринбург, нам лететь сколько?

– Ну, примерно около двух с половиной часов. Плюс-минус какие-то минуты... – глядя в иллюминатор, пояснил Гуров.

– Тогда я – бай-бай... – закрывая глаза, пробормотал Станислав и всего через минуту мирно захрапел, ухнув в пучину сна.

«Вот что значит бурная ночь с пылкой, знойной женщиной...» – мысленно констатировал Лев, глядя через стекло иллюминатора на уходящие вниз просторы Подмосковья. Гуров еще утром заметил, что его старый друг и напарник выглядит неотдохнувшим и даже каким-то чрезмерно измотанным. Ну а когда услышал часть телефонного разговора Стаса с неведомой ему «Нинусиком», то сразу же стала ясна причина сегодняшней изможденности приятеля. «Любофф»... Куда ж от нее денешься?

Самому Гурову не спалось. Он размышлял о происшедшем на палеонтологических раскопках на Южном Урале. Что-то похожее ему расследовать уже доводилось. Правда, было это уже давненько, лет пятнадцать назад – не меньше. Археологическая экспедиция вела раскопки на Рязанщине, на месте древнего поселения. И там была обнаружена некая чаша, выточенная из камня, которая предположительно использовалась волхвами дохристианской Руси в рели-

гиозных ритуалах. Ее тоже кто-то похитил. Правда, во время совершения той кражи никто не пострадал.

У Гурова, которому Орлов поручил расследование кражи, на поиски похищенного ушло несколько дней. Ему удалось найти свидетеля из местных, который, проезжая на своем авто, случайно увидел на автобусной остановке незнакомого человека. Это и стало ниточкой, которая привела Льва к похитителю. Им оказался недавно обанкротившийся столичный коммерсант, который за счет кражи решил возродить свой бизнес. Гуров задержал его в тот момент, когда похититель уже передавал украденное покупателю – антиквару одного из прибалтийских мини-государств...

...Когда самолет коснулся колесами аэродромной бетонки, Лев потряс Станислава за плечо. Тот, открыв глаза, негромко пробормотал:

– Что, уже прибыли? И долетели, и сели? Надо же!..

Когда самолет замер, они поднялись с кресел и, пройдя к выходу с потоком попутчиков, спустились по трапу, споря на ходу о том, как им лучше добраться до городка Евмеля, в округе которого и работала экспедиция. Гуров предлагал доехать на автобусе. Но Крячко, упершись рогом, настаивал на том, чтобы ехать на поезде.

– Лева, мы уже достаточно нарисковались, отправившись сюда не на «Туполеве», не на «Ильюшине», а на американском летающем металлохламе! – кипятился он. – Хватит испытывать судьбу! Поедем на поезде. Идет он такое же время, что и автобус, но плюсов гораздо больше. Можно и спокойно поехать, и полежать... Причем при гораздо меньшем риске попасть в ДТП. Считаешь, я не прав?

– Ну хорошо! – Гуров махнул рукой. – На поезде так на поезде. Только, Стас, объясни мне такую вещь: что же ты всю дорогу, пока летели, дрых сном младенца? Ты же, я так понимаю, изначально опасался того, что до Катера мы не долетим?

– А хрен его знает! – Крячко чуть двинул плечами. – Так-то авиафобией я не страдаю, но когда глянул на облупленный бок этой амерской леталки, то стало как-то немного неуютно...

Опера вошли в аэродромный автобус, пристроившись у заднего окна. Окинув взглядом громадину авиалайнера, Лев задумчиво повторил последние слова приятеля:

– Стало немного неуютно... Это дело понятное. Только, Стас, боязнь самолетов не «авиафобия», а «аэрофобия».

– Да какая разница?! – хохотнул Стас. – Аэро, авиа... Случись жесткая посадка, тебе будет дело до того, как это назвать – грохнулся, шмякнулся или долбанулся?

– Ой, мужчины, вы бы поменяли тему разговора! – капризно произнесла вошедшая следом за ними модно разодетая дама годами за пятьдесят. – Мне сегодня опять лететь, а вы – про всякие там жесткие посадки... Будьте добры, не нагнетайте. И еще хочу сказать, что в корне не согласна с вашей уничижительной оценкой «Боинга». Это – шедевр западного авиастроения. Не чета всяким там ильюшинским и туполевским карикатурам на «Боинги» и «Эйрбасы».

– Мадам, – Лев как-то непонятно улыбнулся, – приношу вам свои извинения за то, что мы с другом морально вас травмировали. Мы больше не будем. Но прошу принять во внимание, что, согласно мнению журнала «Бизнесуик», самый опасный самолет в мире – это «семьсот тридцать седьмой» «Боинг». А вот наши «восемьдесят шестой» и «девяносто шестой» «Илы» – в числе самых надежных.

Изобразив желчную гримасу, поклонница западной авиации демонстративно повернулась к ним спиной и даже отошла подальше. Проводив ее ироничным взглядом, Крячко полупшепотом спросил:

– Слушай, Лева, а вот то, что ты настаивал на автобусе, не может означать, что у тебя боязнь поездов? Или такого не бывает?

Гуров на это рассмеялся:

– Бывает. Это называется... э-э-э... сидеродромофобия вроде бы. Но я этим не страдаю. Просто... Отчего-то вдруг захотелось поехать именно на автобусе. Почему – сам понять не могу. Но раз уж решили, что выбираем поезд, то поедem на поезде.

– Сидемодорофо... Тьфу ты, блин, ну и слово придумали – язык сломать можно! – Станислав удивленно покрутил головой. – Да, я вот о чем сейчас подумал: а может, тебе на автобусе захотелось ехать не с пустого? У тебя же вон какая интуиция! Что, если ты внутренне почувал что-то неладное, какие-то проблемы, заморочки, если поедem на поезде? А?

Лев, потерев пальцами кончик уха и глядя куда-то в пространство, чуть развел руками:

– Не знаю... Чего-то «такого», негативного, не ощущаю. Ну все! Тему закрыли! От судьбы не уйдешь.

...Опера вышли из аэровокзала и, заметив маршрутку, на лобовом стекле которой значилось «Ж-Дд вокзал», поспешили на посадку. Мenee чем через полчаса они уже стояли в очереди у одной из касс железнодорожного вокзала. С учетом того, что здешнее время опережало столичное на два часа, уральское солнце было уже на закате. Поезд тронулся, когда уже начало смеркаться.

Распаковывая пакет с постельными принадлежностями, Стас удовлетворенно констатировал:

– Вот и ладненько! Как раз к утру будем на месте! Ну что, малость перекусим?

Гуров, взглянув на часы, спустился вниз (ему досталась верхняя полка) и водрузил на столик пакет с продуктами, купленными перед посадкой. Под перестук колес приятели приступили к ужину, обсуждая текущие дела.

Напротив их «кубрика», на нижней «боковушке», сидел рослый парняга с крупным, квадратным лицом. Он тоже ужинал. Впрочем, он не столько ел, сколько пил. Причем не что-нибудь, а водку. Опрокидывая в рот стопку за стопкой, любитель сорокаградусной небрежно закусывал нарезанной колбасой и, что было хорошо заметно, пьянел на глазах. Соседка оперов по «кубрику» – молоденькая девушка, судя по всему, студентка, – с некоторым испугом и осуждением во взгляде украдкой наблюдала за выпивохой. И без слов было понятно, что она пребывает в состоянии тихой паники и в любое мгновение готова бежать куда глаза глядят.

Заметив это, Гуров участливо поинтересовался:

– Вас что-то беспокоит?

– Этот тип напрягает... – полушепотом призналась соседка по «кубрику». – Он ко мне уже приставал на вокзале. И вот такое невезение – ему место дали рядом с моим.

– А вы не бойтесь. Если что – мы его успокоим. – Станислав приятельски улыбнулся: – Мы из органов, так что меры примем. Присоединяйтесь к нам – очень нас этим обяжете.

– Нет, нет, спасибо! – косясь в сторону напившегося ломовика, девушка отрицательно потрясла головой. – Вон мама нагрузила продуктами целую сумку. Просто... Какой ужин? У меня на неделю вперед не осталось никакого аппетита.

А выпивоха, взяв за горлышко пустую бутылку, довольно громко стукнул ее доньшком по своему столику и неожиданно заковыристо матюгнулся. После чего, покачиваясь, шагнул к девчонке, которая сжалась в комок и прижалась спиной к стенке вагона.

– А ну-ка сядь на место! – поднявшись с места, жестко потребовал Гуров. Мужик успокаиваться не пожелал. Он размахивал «розочкой» и вопил на весь вагон непотребщину о привередливых бабах. Гуров шагнул вперед. Но его опередил Крячко.

– Лева, он мой! – свирепо выдохнул он, заступив дорогу перепившему парню.

Тот, демонстрируя неплохую подготовку по части рукопашного боя, выполнил руками замысловатый финт и попытался нанести Стасу удар «розочкой» в шею. Но... Знал бы он, на кого надумал поднять руку! Его запястье с лету замерло, наткнувшись на твердокаменный блок чужой руки, а на переносицу безжалостным тараном обрушился прямой удар тяжелого, словно отлитого из свинца, кулака. На весь вагон разнеслось отрывистое – бумп!!! Мгновенно

потеряв не только ориентацию в пространстве, но и гонор, а также всякое самомнение, пьянчуга, роняя свое стеклянное оружие и раскинув руки, рухнул навзничь. На его запястьях тут же защелкнулись браслеты наручников.

Усадив пребывающего в состоянии грогги отморозка на его место, опера с обеих сторон хлопнули выпивоху по физиономии. Захлопав глазами, тот с испуганным воплем дернулся, но две пары крепких рук вскочить ему не позволили. Прибежавшая проводница, узнав, в чем дело, ахая, срочно связалась с начальником поезда. Совсем скоро инцидент был исчерпан: буйна высадили на ближайшем полустанке, определив в «обезьянник», и путешественники угомонились.

А в «кубрик», в котором ехали опера, на свободное место пришел крупный дядя за шестьдесят, с бычьей шеей и толстенными ручищами.

– Всем вечер добрый! – прогудел он. – Меня зовут Иван Иванович Соломин, уличное прозвище – Соломинка. Ну, видите же, какой я «худенький» и «хрупкий»... Уже пять годов как пенсионер. Раньше был экскаваторщиком. А вас, простите, как звать-величать?

– Наташа, – застенчиво улыбнувшись, представилась соседка оперов, – студентка, учусь в Уральском педуниверситете...

Переглянувшись (везет им сегодня на соседей!), представились и опера, правда, достаточно лаконично и сдержанно. Но их новый попутчик своими соседями остался очень доволен.

– О, какие в этот раз со мною едут приличные люди! – прокомментировал он. – А то вчера, когда ехал в Бург, таких соседей судьба послала! Два выпивохи – всю дорогу к бутылке прикладывались – и какой-то модник, разодетый как павлин. Как их там называют-то? Хрюки, что ль?

– Может, фрики? – подсказала Наташа.

– Точно, точно! – Иван Иванович подтверждающе вскинул указательный палец. – Сколько ехали, критикой занимался. И то ему в России плохо, и это... Даже «железка»... Ну, наша железная дорога ему не по душе. Ага! Мол, какой дурак сделал ее шире, чем в Европах? Поэтому-то, мол, европцы и смотрят на нас косо. А я ему сказал, что мой батя, он был фронтовиком, рассказывал, что если бы не наша «неправильная» «железка», то Гитлер в два счета до Москвы доскакал бы. На привалах наши бойцы, хоть вроде бы и в шутку, не раз поминали добрым словом царя Николку Первого. Это ж он такое придумал? Простили ему и декабристов. Главное дело, фриц нашей «железкой» попользоваться не смог...

Сообразив, что этот словоохотливый уралец может быть осведомлен и о происшедшем на палеонтологических раскопках, Лев нашел повод включиться в разговор.

– Полностью с вами согласен! – Он изобразил подтверждающий жест. – Все верно! Николай Первый, памятуя о том, что нам помогло разбить Наполеона, – большая протяженность территории России и отсутствие хороших дорог, распорядился сделать нашу колею шире. Кстати, о дороге я и хотел бы вас спросить... Скажите, Иван Иванович, а город Евмель – конечная станция на этой ветке от Екатеринбурга?

– Да, конечная, – кивнул Соломин. – Дальше идут только шоссейки... А вас что интересует? Вы не в сам Евмель едете?

– Нет, мы на палеонтологические раскопки, которые ведутся в тамошней округе, – пояснил Стас.

– А-а-а! Вы, наверное, собираетесь разбирать тот случай, что убили тамошнего сторожа? – догадался их собеседник. – Слышал, слышал... Из нашего села тот мужик.

– Что, об этом уже рассказывали в местных СМИ? – поинтересовался Гуров.

– Не-е-е-т! Какие у нас местные СМИ? У нас только местное сарафанное радио, – рассмеялся Иван Иванович. – Ох, и шустро оно работает! Если что случилось, то и оглянуться не успеешь, как вся округа и что надо, и что не надо знает лучше всяких ТАССов и Би-би-си...

Как явствовало из его рассказа, в карьере Кряжуновском, что рядом с их селом, больше недели назад нашли что-то необычное, о чем он узнал из сообщений все того же сарафанного радио. Что именно нашли, сказать он точно не мог. Насчет этого ходили всевозможные кривонолки. Но вот то, что находка представляла собой огромную ценность, он знал определенно. Загадочный предмет нашли работники карьера, которые там добывали и дробили камень для строительных нужд. Они-то и вызвали ученых. Те приехали, остановили все работы, начали свои раскопки и исследования.

– ...Главный экспедиционер куда-то дал телеграмму, что, мол, нашли штуковину, которой, как он насчитал, целый мильон лет, а то и того поболее. То ли в Бург он сообщил, то ли в Москву... Только чего-то ему никто отвечать не захотел. А у ученых этих и тут начались осложнения. Хозяин карьера бурчать начал, что, мол, из-за раскопок камнедобыча, можно сказать, остановилась, прибыль упала, работягам платить стало нечем. Да еще и покупатели камня начали ему выставлять неустойки – у них-то тоже все встало. Пришлось ученым сворачиваться. Правда, один угол карьера для раскопок им оставили, только ничего другого они больше не нашли. Ну, это я рассказываю так, как сам услышал. А уж если кто переврал, то я не виноват.

– А где они там жили? – поинтересовался Станислав.

– Почему «жили»? Они и сейчас там все еще обретаются. Живут то ли в вагончике, то ли в палатках, подле родника. Находки свои прятали в вагончике – его им хозяин карьера выделил. Места там, я вам скажу, красивые. А еще в километре от карьера есть озеро Хрустальное. Его так прозвали за воду – чистая, как хрусталь. А глубокое! Говорят, если плыть на лодке, то и на десяти метрах глубины дно видать. Что интересно, ни рыбы, ни какой-то иной живности в нем не водится. Но говорят, что оно очень непростое. Вроде бы ночью на его берегах всякую чертовщину можно встретить...

– Это какую же? – Крячко даже вытянул шею в сторону Соломина.

– Врать не буду – не знаю... – тот пожал плечами. – Но болтают, будто те, кто с чертовщиной сталкивался, потом об этом молчат, как будто кому-то дали зарок в секрете это держать. Ну да ладно... Мы о Кряжуновском толковали. Так вот, ночным сторожем эти археологи...

– Может, палеонтологи? – уточнил Гуров.

– Может, и паленоло... Тю ты, е-мое! Не выговоришь! В общем, наняли они человека от нас, из Кряжунова. Он уже давно на пенсии, но, видимо, решил малость подзаработать. Дело-то несложное – сиди себе ночью в вагончике и сиди... Днем-то они сами за вагончиком приглядывали. Да и... В деревне у нас все даже смеялись: зачем там сторож?! Никто и подумать не мог, что найдется нелюдь, который придет грабить экспедицию! Да еще кого-то надумает убить... А вишь ты, чего случилось!

– И что же там произошло? – после некоторого молчания спросил Гуров.

– Толком не знаю, но вроде бы вор чем-то ударил сторожа по голове. Возможно, собирався оглушить, но перестарался, и мужик умер почти сразу же после удара... – Иван Иванович развел руками.

Они разговаривали под стук колес, обсуждая происшедшее у Кряжунова. Затрагивали и другие темы. Например, Соломин рассказывал о немалом числе всевозможных аномалий, тайн и загадок, с чем сталкивался он сам и слышал от других. По его словам, сама территория Евмельского района представляла собой сплошную аномальную зону.

А поезд мчался и мчался в ночь. За непроницаемо-черным оконным стеклом временами мелькали огни фонарей. Опера и их попутчики пили чай, потребляли дорожную снедь и вели разговоры на самые разные темы. Разумеется, преобладали повествования о тайнах и загадках древнего Урала. В частности, Иван Иванович на полном серьезе доказывал, что описанная Бажовым Медной горы Хозяйка – не выдумка безграмотных, суеверных рудокопов, а самая что ни на есть реальность. По его словам, он сам однажды видел (правда, издалека) на вершине островерхой сопки в окрестностях Кряжунова, именуемой местными жителями (о, прикол!)

Медяшкой, силуэт женской фигуры. Длилось это всего несколько мгновений, после чего неизвестная вдруг словно растворилась...

... Ранним утром, когда поезд с небольшим опозданием прибыл в Евмель, Иван Иванович остановил начавших собираться оперов:

– Мужики, вы чего сорвались-то, как ошпаренные? Куда спешите? Пойдемте со мной. Мне ж тоже до Кряжунова ехать! Я ж говорил вам, что я тамошний. Поедем вместе – мой Сашка на своей «Ниве» доставит нас туда в два счета. И от Кряжунова до карьера довезет вас. Там тоже километра три топать.

Подумав, приятели согласились. Так-то они первым делом собирались заглянуть в Евмельский райотдел, чтобы там взять все исходные материалы, наработанные местными коллегами. Но раз уж выпал такой неожиданный вариант с поездкой прямо к месту происшествия, опера решили выбрать его. И не только потому, что их «на халяву» отвезут на базу палеонтологов. Учитывая, что Иван Иванович явно имел в этой местности большой авторитет, знакомство с ним могло гарантировать максимальную откровенность потенциальных свидетелей из числа кряжуновского населения. И такой возможностью было бы глупо не воспользоваться.

... Когда поезд замер у перрона евмельского вокзала, опера вышли следом за Соломиным и вместе с ним пешком отправились в находящийся неподалеку микрорайон, неофициально именуемый Занзибаром. Почему именно так прозвали этот ничем африканским не примечательный околоток провинциального уральского городка, никто не знал. Но, по мнению Ивана Ивановича, причины тому были. По его словам, когда-то, еще во времена Союза, в этом микрорайоне работал пивбар, называвшийся «Зазнобой». Сначала так и говорили – «Зазноба»-бар, потом сократили до «Зазно»-бара. А уже потом и вовсе переделали в Занзибар, что стало ассоциироваться со всей тамошней округой.

Сын Ивана Ивановича, Александр, который переехал в райцентр из родного Кряжунова года три назад, оказался под стать своему отцу – такой же крупный, здоровенный, кряжистый, впрочем, как и многие другие кряжуновцы. Он с трудом втиснулся в свою «Ниву» на водительское место, и машина помчала гостей по извилистой дороге, тянущейся по лесистым долинам, изобилующим озерцами и озерами, между скалистыми пиками и лесистыми сопками. Минут через двадцать езды, когда «Нива» перевалила через длинную, пологую сопку, опера увидели в просветах между верхушками сосен и берез крыши большого села, раскинувшегося в долине, окруженной лесистыми сопками.

– Вот и наше Кряжуново... – торжественно объявил Александр. – Была бы у нас здесь хорошая работа, сроду не уехал бы отсюда!

Вскоре машина катила по сельской улице, застроенной добротными рублеными домами с разноцветными железными крышами и кружевными наличниками. Соломин-младший остановился у ворот большого дома под синей крышей. Выйдя из машины, Соломин-старший пожал Льву и Станиславу руки и напомнил:

– Закончите свои дела – обязательно ко мне. Да и вообще, если какие вопросы появятся – звоните, заходите... Чем смогу – помогу!

Помахав рукой, он зашагал к калитке. А «Нива», сорвавшись с места, помчалась по улицам села. Вскоре она покинула его пределы и по неровной, извилистой дороге покатила в северо-восточном направлении. Опера, глядя в окна кабины, с интересом озирали уральские ландшафты – лесистые склоны гор, причудливого вида огромные валуны, небольшое озеро у самого подножия сопки... А еще – бегущие то здесь, то там чистые, прозрачные ручьи.

– Ну, вот мы и приехали! – вырвав на территорию просторной каменистой долины, объявил Александр. – Вон там, за лесом, основной карьер... Слышите, гудят трактора, экскаваторы, самосвалы? Во-о-т! Там сейчас добывают камень. А нам – чуть левее, к закрытому карьере. Вот там и работает экспедиция.

Полавиривав среди остроугольных глыб серого камня, меж которыми кое-где виднелись серовато-малиновые валуны гранита, «Нива» подрулила к выдавшему виды зеленому строительному вагончику. На стук в дверь вышел худощавый мужчина годами за пятьдесят в сером дорожном костюме.

– Доброго дня, Роман Михайлович! – поприветствовал его Александр. – Помните меня? Вот, привез к вам гостей из угрозыска.

– Да, да, помню! – улыбнулся тот. – Здравствуйте, здравствуйте! Проходите. Добро пожаловать!

Поздоровавшись и представившись, опера прошли в вагончик, где находилось еще три человека – молодая женщина и двое мужчин постарше. За чаем с добавкой каких-то ароматных трав, собранных на лесистых сопках, Роман Михайлович в общих чертах рассказал о своей загадочной находке и ее не менее загадочной пропаже. По его словам, недели две назад в их Уральский институт палеонтологии пришло сообщение о том, что при разработке каменного карьера у села Кряжунова было обнаружено нечто совершенно непонятное, отдаленно напоминающее очень древнее захоронение.

Услышав про захоронение, Гуров удивленно спросил:

– Но разве какие-либо, пусть и древние, захоронения входят в сферу интересов палеонтологов? А вы же, как я понял, палеонтологи? Ну вот... У вас же круг задач чем-то отличается от того, чем занимаются археологи?

Рябинин на это понимающе улыбнулся. Он пояснил, что разница между археологами и палеонтологами, в общем-то, не слишком большая. Археология изучает прошлое человечества, его культуру, экономику, военное дело и так далее. В частности, устройство древних жилищ, какие-то письменные памятники, технические устройства и механизмы древних людей. Ее, так сказать, «родной сестрой» следует считать антропологию. А вот палеонтология исследует времена куда более отдаленные, когда человека еще не было и в помине. А потому главнейшие объекты этой науки – животные и растения. В этом плане палеонтолог – зоолог-ботаник, изучающий биологию самых ранних эпох развития животного и растительного мира Земли. Потому, в отличие от археологии, палеонтология больше связана с геологией.

– Тогда я вообще ничего не понимаю! – Лев недоуменно развел руками. – Если было обнаружено захоронение, то почему сюда приехали именно вы? Или в ближайшей округе археологов найти не удалось?

– А потому, уважаемый Лев Иванович, – Рябинин сделал небольшую паузу, – что находка, сделанная рабочими Кряжуновского карьера, не подпадает ни под какие археологические и палеонтологические рамки и шаблоны. Окаменелые останки, найденные на двадцатиметровой глубине, принадлежат не человеку, а существу, совершенно неизвестному современной науке.

– Ух ты-ы-ы! – восхитился Крячко. – Вы имеете в виду какое-то инопланетное существо?

– Нет, нет! – профессор негромко рассмеялся и отрицательно покачал головой. – Фрагменты существа, обнаруженные в «линзе» вулканического туфа, на мой взгляд, вполне земного происхождения. Просто обитало оно очень и очень давно, когда еще не было ни Европы, ни Африки, ни обеих Америк. Предположительно его родина – один из древнейших материков, именуемый Лавразией.

– Как, как? Лавразия? – Станислав недоуменно захлопал глазами: – А это где?

– Это – здесь! – Рябинин указал пальцем на пол вагончика. – Территория, на которой находимся мы, когда-то относилась к Лавразии.

– А когда это было? И сколько всего их было, этих «лавразий»? – явно испытывая какой-то внутренний азарт, зачастил Крячко.

Не «расплываясь мыслью», профессор вкратце рассказал, что, по мнению ряда ученых еще начала прошлого века, изначально на совсем еще юной Земле был всего лишь один гигант-

ский материк – Пангея, окруженный суперокеаном Панталассой. А несколько сот миллионов лет назад Пангея распалась на Лавразию и Гондвану.

– ... Вот на этих-то материках и появились первые ростки жизни. Какая она была в точности, мы сказать не можем. Но она была – это точнее точного. Вначале это были микробы, простейшие типа амёб, потом появились многоклеточные животные, грибы и растения... К сожалению, те из них, что не имели какой-либо скорлупы или скелета, не оставили о себе вообще никакой памяти в виде отпечатков на камне. Например, древние медузы. Предположительно они могли иметь гигантские размеры – сотни метров в диаметре. Но... Мы никогда не сможем узнать, какие они были на самом деле. А вот от первых членистоногих кое-что еще осталось. Они имели хитиновую скорлупу, что и позволило в том или ином виде сохраниться каким-то фрагментам их тел. Кстати, я предполагаю, что первые разумные существа на Земле появились еще во времена Пангеи и Лавразии. И были ими не родственные нам млекопитающие, не рептилии, а очень и очень крупные насекомые. Вполне возможно, по величине соразмерные с человеком.

Как Рябинин рассказал далее, на эту мысль его натолкнули несколько сделанных им палеонтологических находок. Например, у южного края Уральских гор еще лет пятнадцать назад он нашел окаменелость, каковая могла быть конечностью очень крупного членистоногого. Причем находка на себе имела украшение в виде золотого браслета очень тонкой работы. Но тогда это было даже им самим воспринято как некий палеонтологический курьез, как некий странный артефакт. Однако еще несколько похожих находок натолкнули его на мысль о том, что древние насекомоподобные существа, обитавшие в Лавразии, были не просто высокоорганизованными. Они были по-настоящему разумными созданиями, скорее всего имевшими сложную социальную организацию общества, развитую науку и культуру. Не исключено, что развиты у них были различные искусства, хотя себе даже представить трудно, какие картины могли бы писать членистоногие художники, какие песни могли бы петь певцы-инсектоиды. Впрочем, инсектоиды запросто могли создать столь необычные науки и искусства, что современным людям себе даже представить невозможно, какими именно они могли бы быть.

– И как же они могли выглядеть? – осведомился Гуров.

– Как выглядеть... Как я уже сказал, рост у них мог быть в пределах полутора и более метров. А похожи они были, разумеется отдаленно, на кузнечиков, вставших на задние ноги, – невозмутимо пояснил профессор. – Откуда мне это известно? Во-о-о-т! Теперь самое интересное и необычное.

По словам Рябинина, получив информацию о загадочной находке в карьере Кряжуновском, он немедленно отправился в Кряжуново, взяв с собой троих помощников. Прибыв на место, ученые обнаружили намертво вросший в пласт вулканического туфа фрагмент странного предмета из очень крепкой керамики. Вероятнее всего, это была часть некоего аналога гроба – ритуальной керамической капсулы для захоронения умерших. И вот внутри этого фрагмента гроба-капсулы обнаружился окаменевший объект, напоминающий по форме голову очень большого кузнечика.

– Ага! Вы нашли часть типа гроба, а в нем – часть типа человекообразного насекомого... Ну, его голова. Так, да? А остальное-то где? – заинтересовался Станислав.

– Трудно сказать... – профессор пожал плечами. – Будем искать!

Как рассказал он далее, об этой находке они немедленно сообщили своим коллегам и академическому руководству. Но... Ответ получили примерно такого характера: не надо валять дурака и морочить нам голову, поскольку мы заведомо знаем, что такого в природе не может быть уже потому, что такого быть не может. И вообще, данная версия антинаучна, ложна и насквозь фальшива, ибо она противоречит непререкаемо-авторитетной теории Дарвина (а лет тридцать назад, наверное, еще и добавили бы: противоречит диалектическому материализму и марксистско-ленинской философии в целом).

– И что же было дальше? – спросил Крячко, подперев голову рукой и обхватив подбородок пальцами.

– А мы на этот ответ дали академическим чиновникам свой: еще больше активизировали поиски. – Рябинин иронично улыбнулся. – И вот моему главному помощнику Михаилу Ростохину – вон он, крайний слева, – крупный молодой мужчина в джинсовке и очках сдержанно кивнул, приподняв руку, – невероятно повезло: там же, на дне карьера, он случайно нашел вход в никому не известную пещеру.

– То есть до этого она была скрыта от чьих-либо глаз? – уточнил Гуров.

– Да, ее закрывала большая груда камней, осыпавшихся со склона карьера. А Мишу заинтересовало – вдруг под этой осыпью что-то есть? И он начал убирать камни. Почти полдня работал. Так же, Миш?

– Ну да-а-а... – закивал тот. – Поработать пришлось основательно. Уже ближе к концу вижу: в склоне, со стороны горы – что-то наподобие входа в пещеру. И, главное, вход этот аккуратный такой! А как расчистил до конца, стало ясно, что это не пещера даже, а что-то наподобие туннеля, уходящего в глубь горы. Ну я сразу же сообщил об этом Роману Михайловичу и всем остальным.

– Да! Да! – подхватил Рябинин. – Когда Миша сообщил нам о своей находке, мы сначала даже не могли поверить такой удаче. Еще бы! Это все равно что на рулетке в казино сорвать джекпот два раза подряд. Но факт есть факт: нам удалось найти материальное подтверждение моей теории о том, что в глубочайшей древности на Земле существовала цивилизация антропоморфных разумных насекомых.

Как поведал он далее, их команда сразу же начала обследование обнаруженного туннеля. Он имел квадратное сечение, его стенки, пол и потолок были вполне гладкими, словно их обработали алмазной фрезой. Высотой и шириной он был около полутора метров. На его обозримом протяжении (а уходил туннель в какую-то совершенно неведомую даль) в двух местах, метрах в тридцати и сорока от входа, вправо и влево от основного «штрека», все так же неведомо куда, в недра горы уходили дополнительные коридоры, правда, меньшей, чем основной, высоты и ширины.

Впрочем, тот, что уходил влево, как выяснилось почти сразу же, имел ограниченную протяженность – всего около полусотни метров (его длину определили с помощью лазерного дальномера). А вот основной туннель и тот, что уходил вправо, судя по показаниям дальномера, оба какого-либо конца не имели. Поэтому именно левый коридор и был исследован по всей его длине. Как оказалось, данное ответвление содержало в себе нечто весьма интересное.

Прежде всего ученые обнаружили некие тексты, вырезанные в камне стен непонятным способом. Осматривая эти совершенно причудливые то ли буквы, то ли иероглифы, исследователи не могли отделаться от ощущения, что их кто-то словно бы вывел неким инструментом, способным плавить камень. Картина была такая, как если бы кто-то раскаленным гвоздем водил по брикету сливочного масла.

Но самое удивительное ожидало ученых в просторном (в полтора человеческих роста!) помещении, которым заканчивался левый туннель. Осветив обширный «подвал» яркими лучами фонарей, они увидели вырезанные в его стенах кругловерхие ниши, которые были заполнены каким-то прозрачным материалом наподобие стекла. Присмотревшись к ним поближе, единственная женщина в экспедиции – кандидат наук Анна Ворчунок – смогла рассмотреть замурованных в толще «стекла» странных существ явно инсектоидного типа. Одни напоминали жуков-щелкунов, другие – то ли цикад, то ли богомолов. Кстати сказать, нечто похожее ученые видят в кусках янтаря, в которых сохранились попавшие в них доисторические существа наподобие мух, бабочек или там муравьев. Только здесь пленники прозрачного камня были достаточно крупными – до полуметра длины и даже более того.

В дальнем углу этого зала на гранитном постаменте палеонтологи увидели изваяние, изготовленное из какого-то непонятого материала серо-синего цвета. Примерно семидесятисантиметровой высоты, плотно покрытая пылью статуэтка являла собой некое совершенно невероятное существо, имеющее гуманоидно-инсектоидные формы. Его голова по своей форме и анатомическим особенностям полностью соответствовала найденной в пласте туфа окаменелости. Это свидетельствовало о том, что изваяние в самой полной мере отражало реальные контуры тела антропоморфных «кузнечиков».

– ...Да, представьте себе! – улыбнувшись, Рябинин изобразил рукой многозначительный жест. – Мы и в самом деле нашли изваяние прямоходящего (или, точнее, прямокачущего) «кузнечика». Значит, что о нем можно сказать? Его туловище было как у нынешних кузнечиков: круглая грудная часть и продолговатое брюшко. Из верхней половины грудной части росли две пары трехпалых «рук», а нижние конечности, как и положено кузнечику – «коленками» назад, росли из самого нижнего сегмента груди на границе с брюшком. Ступня напоминала страусиную лапу – трехпалая, с одним пальцем, обращенным противоположно двум, направленным вперед. На спине крыльев не было, только лишь их рудиментарные зачатки.

– Потрясающе! – Крячко ошеломленно покрутил головой. – Вы и об этой находке сообщили в свои научные верхи?

– Да, разумеется! – профессор энергично кивнул. – Мы сразу же отправили и описание изваяния «кузнечика», и его фотоснимки в самых разных ракурсах. Кстати! Вот, можете взглянуть! – Он достал из кармана телефон и вывел на его монитор фотоизображения запечатленного в каком-то твердом материале невероятного существа.

В деталях рассмотрев «кузнечика», опера согласилась: находка и в самом деле совершенно невероятная. Такого им видеть не доводилось еще никогда. Издав задумчивое «хм-м-м!..», Лев неожиданно попросил, достав свой телефон:

– Сбросьте-ка мне по блютузу все снимки «кузнечика», чтобы его можно было рассмотреть в самых разных ракурсах...

– Разумеется! Пожалуйста, пожалуйста! – закивал Рябинин и, поманипулировав с сенсорным экраном, объявил: – Готово!

– Ага, информация поступила, – подтвердил Гуров. – Сейчас я эти кадры отправлю к нам, в информотдел главка, чтобы их разослали по кое-каким инстанциям – таможенникам и в погранслужбу. Ну, чтобы знали, что именно нужно искать у контрабандистов. Все! Отлично! Теперь наши шансы перехватить «кузнечика» заметно подросли. Роман Михайлович, говоря о том, как был найден загадочный туннель, вы почему-то говорили о нем в прошедшем времени. Я так понял, с ним что-то случилось? Он вдруг куда-то исчез?

– Да, Лев Иванович, к сожалению, он исчез... – Рябинин удрученно вздохнул. – В то самое время, когда мы находились в «подвале» левого хода, изучали его, рассматривали имеющиеся в нем объекты, вдруг произошло нечто неожиданное и пугающее. Откуда-то – и снизу, и со всех сторон – с какого-то момента внезапно раздался непонятный гул, все задрожало. Мы сразу же поняли, что это не к добру, что очень скоро может произойти нечто очень опасное. И поэтому, не мешкая ни секунды, все разом бросились к выходу. Вы видели фильм «Золото Маккенны»? Как его герои по проходу в скале выбирались из золотого каньона? Они скачут на лошадях во весь опор, а следом за ними валятся камни...

– Еще бы! – ностальгически улыбнувшись, Крячко утвердительно мотнул головой. – Такая киношка!.. Еще папаном смотрел этот фильм несколько раз подряд.

– Да, я помню, помню, – тоже с ноткой ностальгии откликнулся Гуров. – Сцена впечатляющая! Ну, у американцев это давняя фишка: за пределами опасная ситуация, герои фильма на волосок от гибели, и только в самый-самый последний момент они спасаются лишь каким-то чудом...

– Вот и у нас – точно так же... – профессор жизнерадостно рассмеялся. – Нам удалось выскочить из этого туннеля в самый последний момент. Представляете? Я выбегаю следом за Аней, и за моей спиной потолок туннеля тут же смыкается с полом. Звук был такой, как если бы гора громко чавкнула, а потом со стоном вздохнула. Жуть!..

– Представляю... – произнес Лев с задумчивым сочувствием. – Но, берусь предположить, это было не последнее испытание, выпавшее вам в тот день?

– Да, не последнее... – подтвердил Рябинин. – Поскольку мы находились у края котлована, примыкавшего к склону горы, на всякий случай мы поспешили убежать от нее подальше. Да еще и начали выбираться наверх. И что бы вы думали? Внезапно чуть ли не с самой вершины горы вниз обрушилась каменная лавина. Вот уж это грохнуло так грохнуло! Даже земля задрожала. В один миг завалило половину котлована. Теперь до того туннеля, даже если бы он и остался цел, едва ли кто смог бы докопаться. Скальной породы свалилось немерено – сотни и сотни тонн...

И лишь уже выбравшись из карьера, по словам профессора, он вспомнил об артефакте, найденном в загадочном помещении внутри горы. Спасаться бегством ученым пришлось столь стремительно, что сам Рябинин, опасаясь за жизнь своих сотрудников, напрочь забыл о «кузнечике». С горечью глядя на громадную грудку разнокалиберного камня, он и сам, как некое изваяние, недвижимо стоял на краю обширной каменной чаши. Насколько он мог вспомнить, в недрах горы остались и цифровая фотокамера, которой были сделаны снимки всех находок, и обнаруженное там же изваяние «кузнечика»... Теперь все это было погребено в каменной толще и навсегда утрачено для отечественной и мировой науки. Теперь попробуй докажи, что «кузнечик» – не какой-то там вымысел, а нечто, достойное самого пристального внимания палеонтологической, да и археологической науки.

И тут... От горестных размышлений его отвлек голос старшего лаборанта Олега Захаревича. Оглянувшись, профессор не поверил своим глазам: тот, держа перед собой вещевую сумку с чем-то увесистым, недоуменно поинтересовался:

– Роман Михайлович, а эту ерундень куда?

В этот момент Рябинин пережил еще один, правда, уже радостный шок: в распаханной сумке Олега лежали... И изваяние «кузнечика», и фотоаппарат! Не веря собственным глазам, профессор подрагивающими руками достал оба предмета из сумки и ошарашенно спросил:

– Олег! А-а-а... Как тебе это удалось?!

Захаревич пояснил, что в тот момент, когда только начался подземный катаклизм, он, будучи человеком обстоятельным и практичным, почти на автопилоте успел схватить и кинуть в свою сумку и фотокамеру, и «кузнечика», после чего ринулся к выходу, увлекая за собой всех остальных. И лишь теперь, увидев грустящего профессора, решил уточнить: не из-за этих ли «прибамбасов» их научный руководитель впал в столь безграничную печаль?..

– Кстати, в новом карьере, – Рябинин указал рукой куда-то в сторону леса, – который начали разрабатывать в километре от нашего, после того как в этом обосновались мы, тоже тряхнуло очень даже здорово. К нам оттуда даже работяги прибежали разбираться: что тут у вас творится? Они подумали, будто это мы сами устроили.

– А как бы это вы могли устроить? – недоуменно прищурился Стас.

Профессор на это чуть пожал плечами:

– Как... Ну, например, для того чтобы вызвать горный обвал, иногда достаточно выстрелить из ружья. Вопросы к нам были самого разного характера. Даже мистического.

– Ого! – Крячко недоуменно pokrutil головой. – Мистического? И кто же это там мистикой увлекается?

– Эскаваторщик, Николай Алаялов. Он из манси. Более того, – Рябинин приподнял руку с раскрытой пятерней, – он из рода потомственных шаманов. На языке манси шаман – весархум, то есть «ведающий мужчина». Кстати, именно благодаря ему и был найден обнаруженный

в карьере артефакт. Ну, окаменевшая голова «кузнечика». Да! Случилось так, что в разгар рабочего дня Алаялов неожиданно прекратил погрузку камня в самосвал и, заглушив мотор экскаватора, объявил, что с этого места камень больше брать нельзя. Уперся, и все тут! Бригадир долго его уговаривал, потом вызвал руководство компании. Всего лишь через час на двух легковушках примчались сразу несколько человек – и специалисты, и даже кто-то из главного менеджмента... Те с ходу начали напирать на Николая: ты чего, мол, там придумал? Дескать, почему срываешь работу? А он им объяснил, что работать ему запретили духи гор.

– И начальство с ним сразу же согласилось? – недоверчиво уточнил Станислав.

– Куда там! Сначала на Алаялова они наорали. Матерились, как сапожники, объявили ему, что он уволен... – Профессор укоризненно вздохнул. – Он отнесся к этому совершенно спокойно. Сел на лавочку у вагончика начальника участка, достал из кармана варган и начал исполнять какие-то шаманские мелодии. «Шишки» поняли, что орать на экскаваторщика бесполезно, надо срочно искать ему замену. Запрыгнули в свои авто, и тут вдруг отчего-то забарахлили моторы и у «Лексуса», и у «Майбаха». Водилы разводят руками – чертовщина какая-то. Начальство опять к Николаю: твои штучки? Он им пояснил: своими нехорошими словами вы сильно разгневали и без того рассерженных духов. Чем ругаться, усугубляя ситуацию, перенесите-ка лучше место добычи камня в другое место, примерно на километр отсюда, и духи сразу же успокоятся. «Шишки» подумали – подумали, да и согласились. И – все! Моторы легковушек тут же завелись. Вот хотите – верьте, хотите – нет.

– И что же было дальше? – Лев задал свой вопрос с абсолютно невозмутимым видом, словно слушал не повествование о мистическом, загадочном событии, а, например, прогноз погоды по радио.

По словам Рябинина, о происшествии на каменных разработках случайно узнал преподаватель истории кряжуновской школы и по совместительству местный краевед-любитель. Он позвонил ему и рассказал о загадочном событии в окрестностях их села. Профессор тут же организовал выезд исследовательской группы к кряжуновскому карьере. Они провели первичные исследования, и этот карьер оказался настоящим кладзем палеонтологических находок.

– ...Здесь несколько уровней залегания окаменевших останков древних существ, – увлеченно рассказывал профессор. – Например, на глубине двух метров нам удалось найти нижнюю челюсть саблезубого тигра. Чуть глубже были обнаружены фрагменты скелета мамонта и шерстистого носорога. Но все это – материальные «послания» эпох не самых отдаленных. А вот «кузнечик»... Да! Этот артефакт мог бы произвести переворот в мировой исторической науке. Но теперь мы даже не представляем, кому он мог понадобиться, кто его похитил, к тому же убив сторожа...

Из дальнейшего повествования Рябинина явствовало, что и окаменелость, и найденное изваяние, а также все прочие находки ученые хранили в «штабном» вагончике, в котором и происходила эта беседа. Для того чтобы обеспечить сохранность во всех смыслах бесценных находок, профессор нанял в Кряжунове охранника. Вернее, ночного сторожа. Что интересно, хотя профессор и предлагал неплохое по местным меркам жалованье, избытка желающих стать сторожем почему-то не обнаружилось. Скорее наоборот – обнаружился избыток тех, кто откровенно потешался над намерением Рябинина свои находки взять под охрану («Да кому они на хрен нужны, эти «сокровища?»).

Лишь давно уже вышедший на пенсию бывший колхозный плотник Юрий Кисляев решил уважить ученых людей и, не кочевряжась, пообещал:

– Ладно уж, подежурю...

Длилось его дежурство ровно неделю... Члены экспедиции (первоначально предполагалось, что ее работа продлится не более трех-пяти дней, поэтому Рябинин и не стал раздувать штаты) проживали в более комфортабельном жилом вагончике, удаленном от «штабного» мет-

ров на тридцать. Профессор по старой привычке (суммарно в экспедиционных разъездах он провел не менее семи-восьми лет) всегда вставал очень рано, с первыми лучами солнца.

В тот день он проснулся ровно в пять утра по местному времени. Заглянув в «штабной» вагончик, вместо обычного: «Привет, Семеныч!» – он с удивлением и испугом выпалил:

– Ох, е-мое!!! Семеныч, что с тобой?!!

Старик, распластавшись, лежал на полу ничком, на левой стороне головы волосы были окрашены уже подсохшей кровью, которая, судя по всему, выступила из раны на голове. Дверь в кладовку, где в сейфе хранились самые ценные находки, была распахнута настежь. Запиравший ее замок валялся тут же, на полу. Холодея от нехороших предчувствий, Рябинин заглянул в кладовку, и ему от увиденного стало дурно: сейф был взломан, изваяние «кузнечика» бесследно исчезло. Прочие находки, спрятанные под досками пола, оказались целы. Но, при всей своей уникальности, они (в том числе и окаменевшая голова «антропо-кузнечика») по своей наглядности основательно уступали изваянию.

Рябинин немедленно позвонил в райотдел полиции, после чего разбудил свою команду. Примерно минут через сорок к палеонтологам примчался полицейский «уазик». Местные опера, руководимые «модернистски-продвинутым» старлеем, бегло осмотрели место происшествия, кое-что сфотографировали, запротоколировали и, посоветовавшись, уведомили профессора о том, что Кисляева убил кто-то из местных алкашей, который не нашел себе денег на бутылку.

– ...В сейфе деньги были? – в манере киношного Мегрэ поинтересовался старший лейтенант.

– Да, двенадцать тысяч. ... – догадываясь, что именно сейчас услышит, настороженно кивнул Рябинин. – Они пропали.

– Вот из-за этого-то сторожа и убили, – со знающим видом заключил опер. – Сейчас прочешем деревню, виновного найдем.

– Постойте, постойте! – всполошился профессор. – Если убийца пришел только лишь за деньгами, то с чего бы тогда он взял нашу главную палеонтологическую находку? Она-то ему зачем? Кому он ее продаст? К тому же – взгляните сами! – сейф взломан профессионально, здесь орудовал опытный взломщик. Есть ли в этой деревне такого рода криминальные умельцы?

Окинув профессора изучающим взглядом, старлей с каким-то подтекстом осведомился:

– А вам откуда известно – профессионально сейф взломан или не профессионально?

От возмущения у профессора даже перехватило дыхание.

– Молодой человек, – сердито поинтересовался он, – вы на что намекаете? Уж не хотите ли вы сказать, что я тоже причастен к ограблению и убийству? Может, всех членов экспедиции запишете в подозреваемые?

– Может, и запишем. ... – с холодком и даже несколько надменно процедил старлей, строча авторучкой в своем блокноте. – Да, гражданин Рябинин, наверное, так и сделаем: до конца расследования вам лучше оставаться здесь. Будем проверять и эту версию. С этого момента отсюда – ни шагу. Любая отлучка без моего разрешения, пусть даже и в Кряжуново, будет рассматриваться как побег со всеми вытекающими. Ясно?!

...Дойдя до этого места своего повествования, профессор поспешно достал из кармана ветровки защитного цвета ампулу с таблетками нитроглицерина и, положив таблетку себе под язык, сокрушенно вздохнул.

– Так что, Лев Иванович, – Рябинин развел руками, – этот вагончик теперь – своего рода «малина», а мы четверо – особо опасная шайка, организовавшая «сходняк». Вот, дожил на старости лет!

– Да этого кретина из органов надо гнать поганой метлой! – хмуро резюмировал Стас. – Откуда он взялся, этот дебил?

– Сынок какого-то областного чина. Видимо, решил сделать себе ускоренную карьеру... – с сарказмом в голосе сообщил Михаил Ростохин.

Крячко, понимая кивнув, утвердительно спросил у профессора:

– И после этого вы решили созвониться с Москвой...

– Да... – Рябинин конфузливо поморщился. – Дело в том, что глава вашего ведомства – мой бывший однокашник. Я уже оканчивал школу, а он еще только перешел в восьмой. Но в школе мы, было дело, пересекались не раз – оба ходили на самбо. Вот... Я решил обратиться к нему не потому, что этот балбес из Евмельского райотдела надумал зачислить меня в подозреваемые. Нет! Разумеется, убийца ни в чем не повинного человека должен быть задержан и наказан. А еще очень важно найти украденный артефакт. Поверьте на слово: он бесценен. Наши находки способны перевернуть всю мировую науку. И не только! Изваяние «кузнечика» позволит нашей космонавтике уйти в отрыв от всех наших конкурентов. Да и в военной сфере оно могло бы найти применение.

– Очень интересно! – Лев вопросительно взглянул на профессора: – Это каким же образом?

– Дело в том, что материал, из которого изготовлено изваяние, обладает невероятной прочностью. Он тверже любых современных материалов. И при этом имеет определенную гибкость и упругость. В сравнении с ним все самые прочные материалы современности – то же самое, что свинец в сравнении со сталью. Можете себе представить, сколь нужным нашей оборонке может быть танк, который не пробьет ни один бронебойный снаряд! Насколько дешевле может быть вывод на орбиту космического корабля, который раз в десять легче нынешнего, но при этом имеет гораздо более высокую прочность корпуса...

– Роман Михайлович, а как вам удалось определить прочностные характеристики статуэтки «кузнечика»? – перебив Рябинина, поинтересовался Крячко.

Тот, улыбнувшись, пояснил:

– За это надо поблагодарить доцента Ворчуняк, нашу Аню. Дело в том, что у нее на пальчике есть перстень с бриллиантом. Подарок ее мужа. И вот она, будучи человеком очень любознательным, попыталась поцарапать изваяние своим бриллиантом. Но это ей не удалось. Она мне об этом сообщила. Мы стали экспериментировать вместе. Кстати, учитывая то, что Аня ради науки не пожалела свое украшение, я пообещал ей купить новое, еще лучше.

– Ой, Роман Михайлович, – Аня смущенно порозовела, – ничего не нужно! Муж у меня хороший, еще купит.

– А что, – Стас неопределенно подвигал перед собой руками, – после экспериментов с перстнем и «кузнечиком» брюлик пришел в негодность? Или я что-то неправильно понял?

– Нет, нет! Все именно так и есть – камешек наполовину стерся. Да, представьте себе! Материал, из которого изготовлено изваяние, оказался гораздо тверже бриллианта. Мы несколько часов по очереди пытались добыть хоть какие-то пылинки этого материала, чтобы отправить его на исследование. Нам помогли Миша с Олегом. И вот общими усилиями мы все же, ценой стертого бриллианта, получили несколько микрограммов вещества, которое я условно назвал инсектоном. Тем же днем мы наняли местного таксиста и отправили с ним Аню, которая отвезла пробу инсектона в лучшую университетскую лабораторию Бурга. Всего через сутки по телефону мне сообщили, что, по данным экспресс-исследования, этот материал мог быть синтезирован только в условиях сверхвысокого давления. В его основе – вольфрам, рений и кремний с добавкой некоторых других элементов, в частности азота, лития, цезия, самария и прочих. Причем данные элементы образуют столь сложные кристаллические соединения, что при нашем современном уровне развития технологий воспроизвести такой материал очень и очень непросто.

– А может, это свалилось откуда-нибудь из космоса? Я имею в виду, изваяние «кузнечика»? – задумчиво спросил Гулов.

– Мы об этом думали... – чуть наморщив лоб, профессор коротко кивнул. – По этому поводу я созванивался с целым рядом известных ученых. Мнения были самые разные. Но большинство все же уверено в земном происхождении артефакта. И вот что меня сейчас беспокоит: а вдруг изваяние «кузнечика» уже вывезли за рубеж? Что, если там сумеют воспроизвести материал, из которого он изготовлен? Тогда мы окажемся в большой опасности. Можно себе только представить, какие танки, самолеты и ракеты появятся у Запада...

– Безусловно, вы правы – этот объект покинуть пределы России не должен ни при каких обстоятельствах. Поэтому будьте уверены: мы сделаем все, что в наших силах, чтобы такого не произошло... Наше руководство уже озаботилось тем, чтобы этот артефакт не пересек нашей госграницы, – твердо пообещал Лев, подкрепив сказанное энергичным жестом. – Но давайте снова вернемся к тому, что здесь произошло позапрошлой ночью.

– Да, давайте вернемся... – согласился его собеседник. – Ну, с чего начать?..

По его словам, с вечера все было как и всегда. После ужина их команда стала готовиться ко сну. Аня ушла в свою половину, а мужчины сидели в своей, обсуждали планы на завтра. Часов около восьми пришел Кисляев. Он уведомил, что принял объект под охрану, и отправился в «штабной» вагончик. Ночью сторож, как правило, находился в помещении, на территорию лагеря выходил редко. Но входную дверь никогда не запирает, считая это признаком трусости.

– Да кто сюда сунется?! – как правило, возражал он, если Рябинин убеждал его в необходимости закрывать дверь на замок. – Тут у вас что? Золото? Брелки? Камни самоцветные? К тому же, было время, я на медведя с рогатиной ходил – кого мне бояться?

Поэтому позавчерашним утром, ни о чем плохом не думая, профессор шел провести Семеныча (как археологи звали Кисляева), чтобы отпустить его домой. Увиденное в вагончике стало для него настоящим шоком. На вопрос Гурова, кого он мог бы подозревать в совершении убийства и похищении артефактов, Рябинин лишь беспомощно развел руками.

Да и в самом деле! Местное население и бригада разработчиков карьера, первоначально явившие достаточно живой интерес к деятельности команды палеонтологов, очень быстро к этому остыли. Особенно когда узнали, что какими-либо крупными находками (тем более из драгметаллов!), каковые коллеги палеонтологов – археологи находят в тех же скифских курганах, карьер не изобилует. Тут уж «халевщики» разочаровались окончательно. Поэтому, был уверен Рябинин, нападение, сопряженное с убийством, на их бивак было совершено кем-то, кто прибыл издалека. Причем прибыл именно за найденными артефактами.

– А тех, кто работает в карьере, местные опера допрашивали? – поинтересовался Станислав, изучающе глядя на профессора.

– Честно говоря, даже не знаю... – тот, несколько даже растерянно, отрицательно pokrutil головой. – Вроде бы один из них бегал туда. Но что именно ему удалось выяснить, я не в курсе. С подачи старшего опергруппы они почему-то сразу же начали «переводить стрелки» на нас самих. Правда, собирались допросить и любителей выпить из числа кряжуновцев. А допрашивали или нет – не скажу. Мы же, как я уже говорил, находимся под подпиской о невыезде. Вот так-то! – Рябинин грустно рассмеялся.

– Дурдом какой-то... – саркастично хохотнул Крячко. – Давай, Лев Иванович, наверное, занимайся здесь, а я, если ты не против, добегу до карьеристов... Или как их там еще назвать? Карьерщиками, что ли?

– Хорошо, действуй... – задумчиво согласился Гуров, и они вместе с профессором прошли в кладовушку.

Лев не спеша осмотрел вскрытый сейф, мысленно отметив, что Рябинин был прав – здесь поработал опытный «медвежатник». Хотя, если по совести, этот сейф был всего лишь имитацией сейфа, сработанной в лихие девяностые какой-нибудь полукустарной шарашкой. В принципе, подобные «сверхнадежные» хранилища ценностей можно вскрыть и обычным ломом.

Правда, слышно это было бы на всю округу. Поэтому неизвестный злоумышленник ручной мини-дрелью со специальным сверлом для закаленной легированной стали в дверке сейфа просверлил два отверстия точно напротив механизма замка. Через них спицами-отмычками он привел в действие запорный механизм, и сейф тут же послушно открылся. Скорее всего, у взломщика ушло на это не более полчаса.

На всякий случай для проведения спектрального микроанализа Гуров собрал с пола в пластиковый пакетик пару щепоток металлических опилок (чтобы по микрочастицам металла сверла определить его тип и происхождение). Затем он достал из своей дорожной сумки все необходимое для экспресс-обследования поверхностей на предмет выявления отпечатков пальцев и следов обуви на полу кладовки. Наблюдая за ним, профессор издал недоуменное «хм-м-м!» и, как бы про себя, негромко прокомментировал:

– А эти ваши коллеги ничего похожего тут не делали. Ни отпечатков не искали, ни следов, ни каких-то улик. Да-а-а... Кстати, с ними прибыла и санитарная машина... Ну, «уазик»-«буханка» с красным крестом на боку. Медики тоже как-то прохладно отнеслись к Семенычу. Его не обследовали – как он лежит, в каком положении, где и какие на его теле есть следы – ушибы, царапины. Его просто положили на носилки, засунули внутрь своего фургончика и куда-то увезли. Аня спросила оперов: можно ли, когда они закончат, здесь, в общем зале, провести уборку? В смысле, помыть пол, где осталась кровь. Ну, в самом деле, согласитесь: как здесь работать, если на полу пятна крови? Старлей только лишь рукой махнул, мол, мой, если хочешь. Надо думать, им все было до лампочки!

Слушая Рябинина, Лев мысленно отметил: и в самом деле, очень даже прохладные ребята сюда приезжали, очень! С ними стоило бы познакомиться поближе. Таким в угрозыске делать нечего.

... Тем временем в компании с Олегом Захаревичем, взявшим на себя роль проводника, лавируя между огромными валунами и пышно разросшимися елями и соснами, Станислав шагал в сторону нового карьера. Очень скоро они вышли на хоть и не слишком благоустроенную, но, тем не менее, вполне сносную дорогу. Пропустив мчавшийся им навстречу «КамАЗ» с кузовом-ковшом, над которым высилась груда разнокалиберного булыжника, опер и его провожатый вскоре вышли к жилой точке из пяти вагончиков. В десяти-пятнадцати шагах от жилой зоны виднелся склон пологой каменной чаши, которую, выбрасывая струи синего дыма, усердно углубляли большой экскаватор и несколько бульдозеров. На крайнем вагончике была прикрепленная к его стене рядом с входной дверью вывеска, на которой значилось: «ЗАО «Гранит». Ниже располагалась другая, поменьше. Она уведомляла: «Внимание! Частная собственность! Вход только с разрешения производителя работ! Нач. участка – Четырехин В. А.».

– Ну ты глянь, ешкин кот! – иронично усмехнулся Крячко. – Оказывается, кого попало сюда не пускают. Только кто сюда и зачем потащится?

– Кто-кто... Есть такие! Да и кое-что стоящее, за чем сюда прийти хотели бы многие, не так уж и редко имеет место быть... – со знающим видом пояснил Олег. – Говорят, раньше тут любителей халявы отиралось более чем изрядно. Ведь тут же, пусть и нечасто, но кое-что ценное все же попадает. Да! Случается, яшма, а то и кусок малахита подвернется. А однажды, еще в том карьере, кто-то нашел крупный берилл. Чем плохая находка? Такой камешек нашел, и можно несколько дней, а то и целый месяц баловать себя хорошим коньячком. Первое время любители дармовщины и нас, можно сказать, осаждали. Потом уже, когда стало ясно, что в нашем карьере поживиться больше нечем, постепенно рассосались... Теперь, скорее всего, толкутся здесь...

Оказавшийся на своем рабочем месте начальник участка, который назвался Вениамином Альбертовичем, подтвердил сказанное Олегом. По его словам, любители поживиться халявными богатствами, именуемые старинным народным термином «хитники», временами появ-

ляются и поныне. Они «шарятся» по окрестностям карьера, пытаются договориться со здешними рабочими на предмет продажи им каких-либо ценных находок.

– ...Гоняем их отсюда регулярно, – особо отметил собеседник Станислава. – Но они все равно тащатся сюда. Причем не все из них склонны к тому, чтобы таиться и уходить, как только их заметят. Если бы! Есть и такие, что норовят огрызнуться, показать свою агрессию, свою, так сказать, «крутизну». Да-а-а, всяких тут достаточно...

Услышанное очень заинтересовало Крячко:

– Вениамин Альбертович, а вот об этих «крутых» можно немного подробнее? На ваш взгляд, кто-то из них мог убить сторожа, чтобы завладеть артефактами? Ведь если разобраться, то на черном западном рынке они стоят немалых денег.

Немного подумав, Четырехин сдержанно кивнул:

– Ну, лично с кем-то из любителей дармовщины я не знаком, но немного наслышан. Самый одиозный из «хитников», насколько мне известно, это некто Гриша-Кардан. Это тип, что называется, «без башни», в прошлом неоднократно судимый за грабежи и разбои. Среди прочих «хитников» он что-то наподобие неформального главаря. Последний раз в окрестностях нашей производственной площадки он, насколько это мне известно, появлялся дня два назад.

– Ого! – Станислав даже присвистнул. – То есть как раз незадолго до убийства... Это интересно! А вы его видели лично или о нем от кого-то слышали?

– О его появлении мне рассказал наш бульдозерист Малько Алексей, – кивнув головой куда-то вбок, пояснил Четырехин. – Леша как раз готовил к разработке новый участок и тут увидел Гришку, который куда-то топал вдоль края березняка. Вышел он из зарослей и помахал рукой Малько. Тот выглянул из кабины: чего тебе? Кардан его спросил: нет ли чего «интересного», чтобы продать ему? Ну, у нас дисциплина строгая. Алексей ему сразу сказал, что продавать нечего, да и не стал бы, если бы что и было. Это и понятно почему. Зарплата у нас хорошая, люди за свое место держатся. А за сданные находки получают приличные премиальные. Зачем бы ему нужно было рисковать? Ну, Гришка покривился-покривился, да и умелся куда-то.

– А вы не знаете, в котором часу и где примерно это было? – о чем-то напряженно думая, осведомился Крячко.

– Это лучше спросить у самого Леши. Идемте, я вас провожу, – предложил Вениамин.

...Малько оказался здоровенным парнягой, что называется, косая сажень в плечах. Спрыгнув из кабины мощного, ритмично фыркающего мотором ЧТЗ, он с интересом взглянул на подошедших к нему начальника участка и крепкого незнакомца в потертой кожаной куртке. Представив Станислава, Четырехин попросил его рассказать о недавней встрече с Карданом. Понимающе кивнув, Алексей чуть развел руками:

– Ну, когда он был? По-моему, позавчера, часу примерно в третьем. Я как раз был вон в том конце карьера, срезал кустарник, и тут – он, как чертик из табакерки. Мол, ничего на продажу нет? Я ему сказал: Гриша, ловить тебе тут нечего. Если кто и левачит, то только не я. Из-за какого-то мелкого хабара терять хорошую работу желания нет никакого. Так что, родной, будь здоров! Ну он и пошел, как мне показалось, в сторону того карьера, к археологам... Или как их там? Вот и все.

Поблагодарив бульдозериста, Крячко и Четырехин пошли в обратном направлении. Когда они проходили мимо экскаватора, который миролюбиво урчал в ожидании очередного самосвала, из его кабины на камни пружинисто спрыгнул машинист, который шагнул навстречу визитерам. Как сразу же понял Станислав, это и есть Николай Алаялов, потомственный шаман. Дымя медной трубкой и невозмутимо улыбаясь, экскаваторщик ответил на приветствие своего начальника и визитера из столицы. Будучи наслышанным об Алаялове, Крячко с интересом рассматривал этого необычного человека. Внутренне он ощутил, что тот сейчас скажет что-то очень значимое. И предчувствие его не обмануло.

– Однако, ты издалека приехал, – пыхнув трубкой, констатировал Алаялов. – Хочешь найти человека, который убил старика. Вы его найдете. Только не могу сказать, где и когда. Духи тьмы прячут его в черном тумане.

– То есть кто он и где находится, узнать невозможно? – поспешил спросить Стас.

Некоторое время помолчав, его собеседник сожалеюще вздохнул:

– Да! Ничего не вижу... Перед глазами – черный туман. Черные духи не позволяют его увидеть. Им была угодна эта смерть. Ученые взяли ту вещь, которую брать не имели права. Поэтому кто-то своей кровью должен был искупить их вину. И это случилось. Но эту вещь надо найти обязательно. Если она попадет в руки злых, то быть большой беде. Это все, что могу сказать... – Чуть разведя руками, экскаваторщик пыхнул трубкой и пошел обратно к своему экскаватору.

Кивком указав на Алаялова, Четырехин негромко произнес:

– Загадочный тип! То ничего-ничего, а то как скажет что-нибудь... И всегда – в точку. Вот и не верь в сверхъестественное! С манси я сталкивался и раньше. Очень необычный народ. Когда-то, еще очень давно, их принудительно заставили принять ислам. Не всех, но очень многих. Потом пришли русские, какую-то часть склонили к христианству. Теперь формально часть манси – мусульмане, часть – православные. Но в реальности они так и остались привержены своим старым верованиям. Хотя уважают и новых богов. Например, Богородицу они почитают, считая ее Матерью Земли. Правда, сейчас и манси, и хантов, и некоторых других народностей становится все меньше. Их молодежь в глуши жить не желает, разъезжается по городам, родной язык и обычаи забывает...

...Когда Стас вернулся в лагерь палеонтологов, Гуров свои криминалистические изыскания уже закончил. Крячко рассказал ему о результатах визита, об услышанном от Алаялова. Лев, выслушав его повествование, одобрительно кивнул:

– То есть у нас появился кандидат в подозреваемые – некто Гриша-Кардан, местный «хитник» и неоднократно судимый по весьма серьезным статьям УК... – констатировал он. – Ну что ж, день еще не закончен, думаю, успеем «навести шороху» и в Евмельском райотделе.

Соломин-младший, все это время терпеливо дожидавшийся у служебного вагончика завершения их работы, поднялся с лавочки и с хрустом потянулся.

– Что, в дорогу? – жизнерадостно улыбнулся он.

– Да, едем в Евмель, – кивнул Гуров.

– С заездом в Кряжуново! – тут же добавил Александр и при этом хитро подмигнул.

– А-а-а... Почему в Кряжуново? – на лице Станислава отразилось недоумение.

– Батя дал ЦУ доставить вас на обед. Недавно звонил, интересовался, скоро ли будем – щипы стынут! – деловито объявил Соломин-младший.

– Какой обед?! – услышав сказанное Александром, недоуменно спросил вышедший на крыльцо профессор Рябинин. – У нас уже все готово. Аня стол уже накрывает.

Потерев лоб ладонью, Лев сокрушенно покрутил головой.

– Ох уж это русское гостеприимство! – резюмировал он. – То ли дело на цивилизованном Западе: по чашке кофе без сахара и без самого кофе выпили – и обед закончен. Зато у нас просто так не отделаешься! Накормят так, чтобы на три дня вперед наелся. Роман Михайлович, чтобы никого не обижать – ни вас, ни Ивана Ивановича, мы поедем прямо в Евмель. Как смотришь, Станислав Васильевич? – Гуров взглянул на приятеля.

Изобразив глубокую задумчивость, Крячко огласил:

– Смотрю так... Чтобы никого не обижать, начнем обед здесь, а закончим в Кряжунове. И все будут довольны. Как смотрите, Роман Михайлович?

– Только положительно! – закивал тот. – Попробуете судака, приготовленного Аней, с уральскими травами.

Хлопнув себя руками по бокам, Лев пожал плечами:

– Извини, Саш, придется еще немного задержаться...

...После экспресс-обеда у палеонтологов и продолжения обеда у Соломиных приятели наконец-то отправились в райцентр. Обсуждая в дороге результаты своего расследования в лагере палеонтологов, опера уже почти уверенно называли пока еще неведомого им Гришку-Кардана подозреваемым в убийстве. В самом деле! Человек он явно агрессивный, алчный, склонный к криминалу – не случайно же отмотал несколько сроков в местах заключения... Два дня назад он был на территории добычи строительного камня с целями, чрезвычайно далекими от гуманитарной деятельности. Причем ему не удалось украсть или купить у рабочих объекта камнедобычи чего-либо ценного, что можно было бы потом продать за приличные деньги каким-либо скупщикам-барыгам. И, скорее всего, он хорошо знал о том, что палеонтологи нашли некий древний артефакт, который мог бы стоить огромных денег. Наверняка знал и о том, что находка хранится в служебном вагончике. Поэтому на данный момент наиболее перспективной кандидатурой в грабители и убийцы, безусловно, был он, и только он.

Во время обеда у Соломиных Гуров спросил у Ивана Ивановича, не знает ли тот Кардана. Соломин-старший пояснил, что о таком «башибузуке» он как-то уже слышал, но лично с ним не знаком.

– ...Этот не из наших, не из кряжуновских, – Иван Иванович категорично помотал головой. – Говорили, что обретается он в Евмели. У какой-то вдовой бабенки пристроился. Толком нигде не работает. Где-то подворовывает, чем-то спекулирует, вот тем и живет. Вроде бы одно время с ним дружился наш местный босьяк и прощельга Сенька Глухарев. Только Сеньки в Кряжунове сейчас нет. Его к себе куда-то под Бург забрал его двоюродный брат. Мол, хватит дурью маяться в своей деревне, будешь работать на стройке. Уже почти месяц он там. Мы думали, что Сеньки и на неделю не хватит – прибежит со стройки обратно. Однако ж не прибежал. Мы все тут в удивлении: неужто Сенька за ум взялся и прижился в строителях?..

Кроме того, Соломин-старший припомнил, что вчера, непонятно за что, пэпээсники отвезли в райцентр одного из кряжуновцев – еще более горького, чем Сенька, пьяницу Жорку Климца. И вроде бы именно в связи с убийством Кисляева. Во всяком случае, жена Климца утверждала, что ее «Жорику менты шьют мокрое дело». А так это или не так – Ивану Ивановичу в точности известно не было.

И вот теперь, сопоставляя всю имеющуюся информацию, Гуров и Крячко пришли к общему выводу: опергруппа райотдела со своей задачей не справилась абсолютно, сработав непрофессионально и даже топорно. Нарушив все нормы проведения первичного сбора информации, проигнорировав необходимость кропотливого поиска улик и самого придирчивого изучения фактов, халтурщики в погонах верхоглядски сделали неверные умозрительно-скоропалительные выводы. Подобно герою анекдота, который искал часы под уличным фонарем только потому, что там светлее, евмельские «пинкертоны», дабы не утруждать себя лишней беготней, проверками фактов и уточнением деталей, с ходу, «методом тыка», назначили виновного.

– ...Как же их у нас много, вот таких недоумков-халтурщиков! – глядя в окно авто, с философичной задумчивостью и досадой в голосе констатировал Станислав. – И не только в наших органах. Сколько их и среди прокуроров, и среди судей... И, наверное, никто из этих халтурщиков даже не вспоминает, сколько людей, вообще непричастных к уголовщине, по их вине отправляется на нары! Если схалтурил сапожник, то у кого-то всего лишь гарантийного срока порвутся ботинки. Это неприятно, но это мелочь. А вот если схалтурили опера, прокуратура и суд, то у кого-то вся жизнь вдребезги. И, что интересно, ответственности за это, по сути, ни-ка-кой...

– Это называется «человеческий фактор»... – чуть заметно усмехнулся Гуров. – У нас ни за что попасть на нары может и опер... Помнишь же, как в начале нулевых ты сам чуть не загремел в места не столь отдаленные?

– Да-а-а, было дело... – с ностальгической ноткой согласился Стас. – Хорошо, что меня подстраховал некто Лев Гуров! – смеясь, добавил он, кивнув в сторону приятеля.

... В начале нулевых, когда над Россией все еще витал удушливый смог беззакония лихих девяностых, оперу Никитинского райотдела Станиславу Крячко поручили расследовать факт для той поры вполне заурядного уголовного происшествия – группового насилия троих оборзевших от безнаказанности мажоров над молоденькой студенткой. В пору безвременья девяностых такие происшествия порой воспринимались как нечто малозначащее. Ну изнасиловали. Ну и что? Ведь не убили же... Поэтому очень многие из потерпевших даже не писали заявления в милицию. Толку? Мало того что виновников «не находили», так еще и сама заявительница могла вновь пострадать, причем куда более серьезно.

Но по каким-то неведомым причинам именно это происшествие стало достоянием столичной прессы. Поэтому расследование групповухи решили поручить уже заявившему о себе оперу угрозыска, каковым и стал Станислав Крячко. Будучи человеком жестким и принципиальным, он с ходу начал раскручивать это дело. Ему оно очень напоминало года за три до этого вышедший на экраны фильм «Ворошиловский стрелок». Что интересно, среди насильников и здесь оказался сынок, правда, не милицейского чина, а председательницы районного суда, некоей Шкормеевой (известной в некоторых кругах под кличкой Хабалка). Стас вычислил мажоров в течение всего пары дней и начал их активные поиски. И вот тут-то у него вдруг начались неприятности. Кто-то порезал ножом колеса его «копейки», оставив под дворником на лобовом стекле напротив водительского места записку из двух слов: «Не усердствуй!», давая понять, что дальше будет еще хуже.

Но Станислава это не только не напугало, а, наоборот, привело в ярость, и он с удвоенной силой стал вести расследование. И тогда судейско-уголовная мафия нанесла ему очередной удар – кто-то поджег его квартиру. Однако и это не остановило Крячко. Он задержал всех троих подонков, завершил расследование дела и передал его по инстанциям. Запахло судом. И не тем, где верховодила мамочка мажора, – были ведь и судьи «внесистемные», то есть не прикормленные криминальными структурами, не входящие в круг тех, кто, для виду служа закону, на деле пользовался им как неиссякаемой личной кормушкой. Да и прокуроры, не продавшие совесть, тоже имелись...

И тогда криминал нанес Станиславу свой самый сильный удар. Ночью кто-то угнал его «копейку» и на ней совершил наезд на пешехода с тяжкими последствиями. Пострадавший остался жив, но попал в реанимацию с несколькими переломами и травмой черепа. Криминальные мерзавцы рассчитали эту «подставу» до мелочей. Именно этим вечером Крячко был в гостях у одной из своих «дам сердца», где употребил коньячка. Когда к нему на квартиру прибыла опергруппа, он все еще был слегка «под газом». Услышав о том, что, будучи пьяным, он сбил человека (нашлись даже «свидетели», которые «лично видели», как именно он, Станислав Крячко, бросив машину, убегает с места происшествия), Стас понял: дело дрянь!

И «париться» бы ему на нарах, если бы не помощь Льва Гурова. Вернувшись из длительной командировки на Кавказ, где он участвовал в расследовании преступлений исламских фундаменталистов, совершенных ими в ходе второй чеченской войны, Гуров с ходу ринулся спасать своего лучшего друга. Он понял, что доказывать невиновность Стаса в совершении пьяного ДТП с тяжким исходом – дело дохлое. Пока он сможет доказать невиновность друга, тот уже будет сидеть за колючкой. Поэтому Лев пошел другим путем.

Он начал искать компромат на Шкормееву. И это ему удалось! Бывшая приятельница судьи, которую Шкормеева жестоко обманула (пообещав «отмазать» ее родственника от ответственности за большие деньги, Хабалка и деньги взяла, и не «отмазала»), рассказала о ней кое-что весьма занимательное. По словам экс-подруги, особа, корчившая из себя ярую моралистку, уже довольно давно сожительствовала со своим собственным сыном. Из-за чего, скорее всего, тот и стал циничным подонком – насильником.

Тем же днем Гуров задержал мажора на вполне законном основании: формально будучи под домашним арестом, тот преспокойно мотался со своими приятелями по всевозможным значным местам, нюхая «коку» и кобелируя с валютными красотками – благо мамочкиных денег было в избытке. О столь милых его сердцу групповушках на время пришлось позабыть – запретила мама (еще не время расслабляться!).

Когда мажора Шкормеева задержал здоровенный опер и проводил в свою машину, тот, будучи уверенным во всемогуществе мамы-судьи, лишь глумливо посмеивался над «ментом». Но смех закончился, когда они приехали в СИЗО. Это задержанного напрягло не на шутку. А опер, в сопровождении сотрудника следственного изолятора, как бы ненароком провел Шкормеева-младшего вдоль ряда камер, остановившись подле одной из них. Он заглянул в камеру, после чего предложил заглянуть и мажору. Тот увиденным был явно впечатлен. А то! Грубые, гогочущие, густо татуированные мужики произвели на него весьма гнетущее впечатление. Проводив мажора в кабинет для проведения дознания, Гуров поинтересовался, не желает ли «гражданин Шкормеев» оказаться среди обитателей той камеры, заранее проинформированных о причинах его задержания. Тот, разумеется, попасть туда не желал никоим образом.

Задав мажору несколько вопросов по его последней «групповухе», опер предложил Шкормееву рассказать и о своих не вполне пристойных отношениях с собственной мамочкой. Ошарашенный и морально смятый юнец попытался уйти от ответа. Но напоминание о камере СИЗО с татуированными дядями, охочими до нетрадиционных интимных отношений, убедило его в обратном. И он рассказал, что впервые его сожительство с мамулей произошло, когда ему было всего двенадцать лет. Ко дню рождения она купила ему новый импортный велосипед, и они его «обмыли», изрядно выпив вина, после чего она повела его в свою спальню.

Вспоминая утром о том, что было минувшей ночью, Шкормеев пребывал в растерянности и угнетенном состоянии. Но... Очень скоро к этому привык, внутренне сделав для себя вывод: все женщины – похотливые сучки, которые хотят только одного. И если какая-то из них говорит о том, что «этого» ей не хочется, то на самом деле она всего лишь притворяется, внутренне желая быть «оприходованной». Поэтому уже лет в шестнадцать он решился на свой первый «подвиг», совершив насилие над девочкой из соседнего дома. Ее отец был готов его убить, но вовремя вмешалась мамочка. Матери потерпевшей она сумела всучить «отступные», припугнув, что если та не утихомирится, то с ее дочкой еще и не то может произойти. А отца потерпевшей вечером очень крепко избили двое неизвестных отмороzków, после чего он долго лежал в больнице.

Шкормеева это лишний раз убедило: все продается и покупается, а его мамуля – надежная гарантия его безопасности. Потом он подружился с двумя нормальными (по его понятиям) пацанами, с которыми стал устраивать уже групповое насилие. Трое подонков, творя беспредел, всячески маскировались и благодаря этому всякий раз уходили от ответа. Тем более что за их спиной была надежная защита.

И вот теперь Шкормеев-младший был вынужден убедиться: увы, не все продается и его мамочка, увы, не всемогуща. Когда разговор был закончен, Гуров отвез его к месту жительства, где строго напомнил о необходимости соблюдать режим домашнего ареста во избежание... Но мажор уже и сам понял: с этим опером шутки плохи!

А Гуров тут же поехал в районный суд, где и трудилась мадам Шкормеева. Ее он нашел в бытовом кабинете, где «труженица Фемиды» за чаем приходила в себя после очередного процесса (который, надо думать, тоже пополнил ее бездонные карманы, укрепив материальное благополучие). Когда хозяйке кабинета стало ясно, с чем к ней пришел этот настырный опер, она попыталась «взять на понт», пригрозив ему самыми разными карами, как официальными, так и подпадающими под статьи УК. Но и опер оказался не лыком шит. Безо всякой лирики он объяснил своей собеседнице, что ее может ждать, если в «желтой» прессе вдруг выйдет скандальный материал, и даже дал послушать диктофонную запись откровений ее отпрыска. Для

Шкормеевой это стало тяжким ударом. Держась за сердце, она тут же по сути капитулировала. Шкормеева согласилась на все условия опера – подать в отставку, прекратить преследование Станислава Крячко и не препятствовать суду над шайкой насильников...

– ...Этот случай, Лева, я запомнил на всю жизнь... – глубоко вздохнув, Стас невесело рассмеялся. – Самое смешное в этой истории то, что на место Шкормеевой пришла другая, точно такая же хабалка, которая гребла не меньше, но делала это куда хитрее и осторожнее... О! А вон уже и Евмель показался! – прокомментировал он, увидев высящиеся среди елей и сосен пятиэтажки провинциального городка.

...Начальник Евмельского райотдела Зюмель – крупный, толстоватый подполковник, узнав о цели прибытия столичных оперов, очень этому удивился: с чего бы такое внимание к совершенно заурядному (по его мнению) происшествию? Ну да, был убит житель Кряжунова. Да, был похищен палеонтологический артефакт. Но не федерального же чиновника лишил жизни неизвестный злодей! Не экспонаты же Алмазного фонда он украл! Странно, очень странно! Тем более что это преступление уже почти раскрыто усилиями молодого талантливый опера – старшего лейтенанта Мухосолова.

Выслушав главного евмельского полицейского, визитеры лишь снисходительно улыбнулись, чем ввергли его в некоторую растерянность: а что, собственно говоря, не так? Но Гуров и Крячко, не вдаваясь в объяснения, пожелали лично увидеться с Мухосоловым, причем немедленно. Разволновавшись еще больше, начальник райотдела вызвал старлея в свой кабинет.

Когда тот переступил порог обиталища своего начальника, ему в глаза сразу же бросилось присутствие там двоих незнакомцев, которые изучающе воззрились в его сторону.

– Разрешите? Слушаю вас, Дмитрий Алексеевич! – непонятно почему внутренне напрягаясь, спросил он.

– Аркадий, прибыли товарищи из Москвы, из федерального главка угрозыска. Это – старший оперуполномоченный полковник Лев Иванович Гуров и оперуполномоченный полковник Станислав Васильевич Крячко. Их интересуют подробности происшествия на раскопках в Кряжунове. Будь добр, расскажи, чего вы там «накопали»... – несколько вальяжно предложил начальник райотдела.

Ощувив жаркую волну, пробежавшую по нему с ног до головы, старлей резко вспотел и, спотыкаясь на каждом слове, начал рассказывать, как их опергруппа в момент вычислила убийцу и грабителя, каковым оказался житель Кряжунова Георгий Климец. Будучи задержанным, подозреваемый сразу же признался в совершенных им преступлениях, даровав этим самым операм пресловутую «царицу доказательств». Правда, найти похищенный им артефакт пока не удалось. Но это – дело времени. Через день-два похищенное обязательно будет найдено.

Приободрившись к концу своего доклада, Мухосолов закончил его на подъеме воодушевления, надеясь, что вопросов к нему не последует. Но они последовали. Столичные визитеры снова заставили старлея испытать то жар, то холод, начав уточнять детали проведенного расследования. В частности, их заинтересовало: найдено ли орудие убийства? На это старлей огорченно развел руками – чего нет, того нет.

– А вы вообще его искали? – пронизывающе глядя на Мухосолова, уточнил Крячко.

– Ну-у-у да-а-а, искали... – неуверенно проблеял тот. – Но-о-о... Найти не удалось...

– Все ясно! – жестко проронил Гуров. – Ни хрена вы там не делали, ничего вы там не искали. Вы даже взломанный сейф не удосужились осмотреть как следует. Дмитрий Алексеевич, нам бы сейчас с Климцом пообщаться. Распорядитесь вызвать его сюда. Проведем детальный допрос данного подозреваемого.

Закивав, Зюмель нажал кнопку на пульте коммутатора и распорядился доставить в его кабинет задержанного Климца. Через пару минут двое дюжих полицейских привели худого, сутулого гражданина с испуганным, затравленным взглядом. Судя по исходящему от него

запаху сивухи, его забрали в полицию основательно «употребившим» самогона, из-за чего он до сих пор пребывал в похмельном состоянии. Войдя в кабинет, Климец съежился и замер в этом положении, осторожно поглядывая на присутствующих.

Указав ему на отдельно стоящий стул, Лев задал ему формальные вопросы, после чего предложил рассказать о том, чем он позавчера занимался, как у него прошел тот день. Судя по недоуменно-мученическому выражению лица, Климец изо всех сил тужился вспомнить хоть что-то из того, что интересовало этого здоровенного опера. Но, как видно, старался он напрасно – его память была пуста, как карман после очередного пьяного загула. Повздыхав и посучив руками, в заключение задержанный широко ими развел и огорченно сообщил, что «из-за этой проклятой пьянки» вообще ничего не помнит.

– Но вы же признались старшему лейтенанту Мухосолову в убийстве своего односельчанина Кисляева. Разве вы и этого не помните? – иронично прищурился Стас.

– Не-а... Граждане начальники, ей-богу, хоть убейте, ничего не помню. Вот этот гражданин начальник, – Климец кивком головы указал на Мухосолова, – сказали, что это я будто бы убил Семеныча. Мож, и я всамделе... А мож, и не я... Вот, провалиться мне на этом самом месте – не помню! Ну... Раз полиция так считает, что это я убил, – деваться некуда, надо сознаваться. А то ж! Ежели пойти на «чистуху», так, мож, хоть поменьше дадут?

Во время «признаний» Климца Мухосолов не проронил ни слова. Он выглядел растерянным, как начинающий карманник, пойманный на первой же краже за руку. Судя по его лицу, он и сам был готов дать свои чистосердечные признания на предмет того, как именно получил «чистуху» от задержанного. Впрочем, гости из столицы уже и без его признаний окончательно поняли, что Климец «для блезира» назначен им «методом тыка» в подозреваемые.

Взглянув на окончательно раскисшего старлея, Лев с холодком в голосе уточнил: делал ли тот хотя бы формальный опрос жителей Кряжунова? Ну чтобы иметь хоть какие-то, пусть и самые мизерные, основания, позволяющие задержать Климца? Поскольку тот в ответ лишь промышчал что-то невразумительное, он пренебрежительно махнул рукой и жестко определил:

– Халтура! Это не работа, а ее весьма скверная имитация. Скажите, гражданин Климец, что еще вы делали на месте, условно говоря, вашего преступления?

Тот, захлопав глазами, озадаченно почесал затылок.

– Да-а... Ниче более не делал. Убил и убил. А потом домой пошел. Э-э-э... Водку пить! Вот... – задержанный потряс головой и пожал плечами.

– А кто же тогда сейф взломал и украл из него ценную находку ученых? – усмехнулся Станислав.

– Не помню... Мож быть, по пьяни и сломал. Кувалдой – бабах! – и все дела.

– «Кувалдой»... – саркастично повторил за ним Гуров. – А сейф этот был большой или маленький? Маленький? Да? Вот такой? Еще меньше? Все ясно... Отпустите этого гражданина. Пусть возвращается к себе домой.

Услышав о том, что его отпускают, Климец ошарашенно захлопал глазами и удивленно открыл рот.

– Гражданин начальник, это, значит, мне можно идти? – неуверенно спросил он.

– Да, да, домой... – Гуров указал рукой на дверь.

Поднявшись со стула, в полной тишине Климец шагнул к двери, но, как видно, что-то вспомнив, обернулся:

– Гражданин начальник, я че хочу сказать... В деревню нашенскую, бывает, заглядает такой мужик – Гришка-Кардан. Так вот, он чегой-то на той неделе любопытствовал у наших, кряжуновских: не находили ль энти ученые старинного золотишка? А мужик-то он хваткий, шустрый! О-о-о-й! Ежели чего замыслил – сделает!..

– А он где проживает, как выглядит? – услышав это, сразу же оживился Крячко.

– Как выглядит... Как вы-ы-гляди-и-ит... Мож, помните, когдатошний мериканский президент... Как его там? Рыган или Дрыган?..

– Рейган? – подсказал Гуров.

– Да, да, Рейган! Вот, фасадом Гришка на него здорово смахивает. А проживает он тут, в Евмели, вроде бы у какой-то бабехи. Зовут ее... то ли Верка, то ли Зинка. И вроде бы дом ейный в стороне тутошней церкви. Вот и все, что я знаю... Ну, я побежал? Доброго здоровья! – кивнул он, исчезая за дверью вслед за своими недоумевающими конвойными, которые так и не поняли, почему московские опера отпустили с миром такого удобного «козла отпущения», который и сам уже взял вину на себя.

– Гришка-Кардан... Что-то я о нем слышал... – Хозяин кабинета, наморщив лоб, утвердительно покачал головой.

– Да, в Кряжунове нам уже говорили об этом человеке, – сухогато откликнулся Крячко, выразительно взглянув на Мухосолова. – Вот его-то найти стоило бы! Это уже реальный кандидат в подозреваемые.

– Ра-разрешите, я им займусь? – отчего-то начав заикаться, предложил Мухосолов, вскочив с места и перебегая взглядом со своего начальника на столичных визитеров и обратно. – Я понял, где может проживать эта Верка-Зинка.

– И как долго вы будете его искать? – с сомнением в голосе осведомился Гуров.

– Максимум минут двадцать! Я мигом. Одна нога здесь, другая там! – зачистил старлей.

– Вы не против? – Зюмель вопросительно взглянул на гостей и, не услышав от них возражений, утвердительно кивнул: – Давай, Аркадий, действуй! Смотри, не опозорь наш райотдел! – погрозил он указательным пальцем.

Явно воодушевившись, Мухосолов покинул кабинет, бросив на ходу:

– Я мигом!..

Проводив его взглядом, Гуров поинтересовался общим состоянием дел в районе – часто ли здесь совершаются тяжкие и особо тяжкие преступления. Хозяин кабинета, быстренько достав какой-то отчет, начал сыпать цифрами. Слушая его, Лев отчего-то вдруг ощутил подсознательное внутреннее беспокойство. Воспользовавшись паузой в словоизвержении Зюмеля, он уточнил:

– Дмитрий Алексеевич, скажите, а Мухосолов искать этого Кардана отправился один или взял с собой подкрепление?

Издав озадаченное «хм-м-м-м!», тот напряженно наморщил лоб. Подняв трубку с коммутатора, Зюмель хмуро осведомился:

– Дежурный? Аркадий на задержание отправился один или с подкреплением? Что?! Один поехал? Он что, с ума сошел? Тоже мне Рэмбо! Двоих ребят отправь следом за ним. Он отправился куда-то в сторону церкви. Давай, срочно!

– Зря это он, зря! – Стас задумчиво повел головой из стороны в сторону. – Мне так думается, что он вычислил точное место обитания Кардана, еще когда об этом говорил Климец, но нам об этом не сказал – решил устроить что-то типа сюрприза. Так вот, как бы этот «сюрприз» не вылился в опасное ранение или во что-то еще, гораздо хуже...

– Ч-черт побери! – Зюмель стукнул по столу кулаком. – Впору самому туда доехать с усиленной опергруппой...

При этих словах Гуров и Крячко переглянулись.

– А что? – Лев поднялся на ноги. – Мысль стоящая. Давайте отправимся все вместе.

И они отправились на «Волге» с мигалками, в сопровождении «бобика», в который загрузились трое полицейских с «калашами». Прибыв к городской площади, на которой высился старинный собор, возведенный из белого камня, обе машины остановились – а дальше-то куда? Не теряя времени, Крячко быстро выпрыгнул из кабины и подошел к продавщице мороженого,

газировки и кваса. О чем-то коротко с ней переговорив, он вернулся в салон «Волги» и уведомил шофера:

– Ехать надо на пересечение улицы Бажова и Весенней. Где-то там проживает некая Зинаида Хумашина.

– Понял! – кивнул шофер и включил передачу.

В этот момент их обогнала куда-то спешащая «Скорая помощь».

– Следом за «Скорой»! Быстро! – скомандовал Гуров.

И они помчались вслед за белым фургончиком с красными крестами. Интуиция Льва, как и следовало ожидать, не подвела. Всего через пять минут они оказались в одноэтажном секторе города, где у одного из домов вблизи перекрестка увидели две легковушки с мигалками и компанию людей, что-то довольно бурно обсуждающих.

– Сто против одного, что тут произошло что-то серьезное! – не отрывая взгляда от предполагаемого места происшествия, негромко произнес Гуров.

«Волга» остановилась рядом со «Скорой», и опера, выйдя из ее салона, увидели, как санитары со двора старого одноэтажного особняка на носилках вынесли недвижимого Мухосолова. Впрочем, державший его за руку врач объявил, что пульс прощупывается. На вопрос Льва – что же с ним такое, врач сообщил, что у старшего лейтенанта два пулевых ранения грудной клетки. Состояние тяжелое, но выжить должен.

Моментально сориентировавшись в обстановке и на местности, Лев первым делом подошел к собравшимся жителям соседних домов.

– Здравствуйте! Я – полковник Гуров, главное управление угрозыска. Свидетели происшедшего здесь есть?

– Я! – поднял руку пожилой мужчина пенсионного возраста. – Все случилось очень быстро. Я проходил мимо, вон по той стороне улицы, и увидел, как к дому Зинаиды Хумашевой подъехала вон та «десятка» с мигалками. Из нее вышел Аркадий Мухосолов и быстро так прошел во двор. Слышу – чего-то шумят они с Гришкой, чего-то выясняют, потом – бах! Бах! Гришка, сожитель Зинкин, из калитки выскочил – и бегом, сломя голову вон туда, вверх по улице помчался.

Очевидец указал рукой куда-то вдоль ряда домов, упирающегося в куртину сосен и пихт, растущих по всему склону прилегающей к этому кварталу пологой, лесистой сопки, за которой виднелась другая – безлесная, с островерхой вершиной.

– Не иначе к Рудничной сопке побежал хорониться... – знающе покачал головой рослый парень послеармейского возраста.

– А вы знаете, где это? Можете показать? – быстро спросил Станислав, окинув парня изучающим взглядом.

– Могу! – охотно кивнул тот. – Если сейчас хорошенько припустить, так, глядишь, и догоним... Бежим?

– Коля! Ты смотри не нарвись на пулю! Гришка, он безбашенный, чуть что – стреляет! – встревоженно предупредила молодая пригожая евмельчанка в цветастой косынке.

– Не бойсь! Все будет норм! Погнали! – кивком головы указав в сторону сопки, Николай резво помчался к концу улицы. Гуров и Крячко, на ходу выхватив пистолеты, поспешили следом. Пробежав несколько сот метров, опера почувствовали, что бежать в гору не так-то просто. Но, держа марку, они старались не отставать от своего провожатого.

– Спортсмен? Хорошо бегаешь! – напряженно дыша, на ходу поинтересовался Гуров.

– Есть маленько! Я служил в морской пехоте Северного флота... Там по сопкам ежедневно километры наматывали. Вот это были нагрузки!

Когда они достигли конца улицы, где уже начинались хвойные заросли, Гуров скомандовал:

– Стоп! Теперь мы побежим первыми, ты – следом, будешь корректировать маршрут продвижения. Коля, это не обсуждается! Кстати, та девушка, что за тебя так обеспокоилась, твоя знакомая?

– Невеста моя, Танюшка... – широко улыбнулся Николай.

– Тем более! – Лев изобразил убедительный жест рукой. – Не будем огорчать хорошую девушку какими-либо неприятными форс-мажорами. По лесу нам прямо?

– Да, вон к той седловине! – Николай указал рукой на округлую, лесистую низинку на вершине сопки.

И опера с их добровольным провожатым поспешили вверх по склону. Огибая деревья и огромные валуны, где – бегом, где – ускоренным шагом, они быстро продвигались все выше и выше, перепрыгивая через валежины и рытвины. Постепенно склон становился все круче и круче. С какого-то момента всем троим пришлось перейти на шаг. Но они, невзирая на трудности, упорно двигались в заданном направлении. Когда опера и их спутник поднялись на вершину сопки, где жиденькая, низкорослая древесная растительность позволяла видеть окрест, Николай указал на простиравшуюся внизу голую каменную долину, которая упиралась в остроконечную сопку.

– Это вот Рудничная и есть... – пояснил он.

Оглядевшись, Гуров неожиданно заметил пусть и слабенький, не вполне четкий, но достаточно различимый след мужского ботинка, отпечатавшийся меж больших камней на тоненькой полоске сырой глины, поросшей редковатой травой.

– О! Мы на правильном пути! – перепрыгивая с камня на камень, одобрительно отметил он. – Гришка здесь только что проходил. Значит, скоро догоним. Коля, а почему у него такое прозвище – Кардан?

– Так у него же фамилия Кордобин, вот и прозвали Карданом... – шагая следом, пояснил Николай.

Теперь они спускались вниз, но намного легче им не стало. Здесь тоже ноги пребывали в непрерывном напряжении... Когда они были уже на середине склона сопки, где-то далеко впереди меж стволами деревьев мелькнула какая-то тень.

– Вон он! – указал Николай в том направлении, и все трое тут же прибавили шагу.

Теперь они то и дело переходили на бег вприпрыжку, с учетом пересеченной местности, стараясь как можно скорее настичь беглеца. Судя по всему, тот уже понял, что его преследуют, и поэтому тоже перешел на бег. В какой-то миг, метрах в ста от оперов и их провожатого, он выскочил из-за деревьев и вскинул правую руку. Приглушенно хлопнул выстрел. Почти на автопилоте Лев успел толкнуть Николая за большой камень и укрылся там сам. Одновременно с ним Стас метнулся в другую сторону. Тут же, пискнув, мимо них пролетела пуля, влипившись в ствол осины.

Теперь преследователи были предельно осторожны, понимая, что Кардан взвинчен до предела, пребывает в истерике и потому готов убить всякого, кто попытается его задержать. С этого момента опера его уже не преследовали, а, как это называют охотники, «скрадывали», как особо опасного дикого зверя. Они шли за преследуемым, хоронясь за деревьями и валунами, время от времени стреляя в его сторону. Не для того, чтобы его убить или ранить. Этим они вынуждали его отстреливаться, тратя патроны. Перебегая от укрытия к укрытию, опера считали:

– ...Три!.. Четыре!.. Пять!..

После того как прозвучит восьмой выстрел, беглеца можно будет попытаться задержать (если только у него нет запасной обоймы). Это преследование-скрадывание затянулось почти на четверть часа. Кардан за это время, лавируя и прячась за валунами, почти пересек долину. Выстрелив восьмой раз, он неожиданно выскочил из-за огромного обломка скалы и, пригнувшись, метнулся к почти отвесной каменной стене. Опера, а следом за ними Николай, снова

ринулись в погоню. Они ожидали, что еще немного, и возьмут Кардана на мушку, после чего защелкнут на его руках наручники.

Но все вышло совсем иначе. Когда они подбежали к скале, то увидели у ее основания почти наглухо заросший длинными травами неопределенной формы черный зев входа в какую-то пещеру. Судя по удивленному «ого!» Николая, это природное образование и ему тоже было совершенно неизвестно. Стоя метрах в десяти от лаза, ведущего в каменное тело горы, с пистолетами на изготовку, опера никак не могли решить – преследовать ли Кардана в темени каменного туннеля, как предлагал Крячко, или караулить его у входа, что предлагал Гуров. Николай придерживался позиции Льва – караулить.

– ...Коля, а ты уверен, что этот Гришка не найдет себе лаз наружу в другом месте и не смоемся, пока мы топчемся тут? – вглядываясь в темень каменных недр, допытывался Стас.

– Думаю, что другого лаза здесь нет. Это – первое. Второе. Сопка Рудничная – место особое. Она знаете почему так называется? Да потому, что в этих местах когда-то были медные рудники. А там, где медь, там запросто может быть Хозяйка. А с ней нам лучше не встречаться... – без тени улыбки, совершенно серьезно пояснил Николай.

– А медная руда – она какая? Что это такое? – отчего-то вдруг заинтересовался Крячко.

– Ну-у как это – что? – Николай развел руками. – Камень такой, буровато-желтоватый, называется он... М-м-м... Вроде бы халькопирит. Его тут, правда, не слишком много, но для кустарей и этого хватало.

– А-а-а, вон чего... – Стас понимающе покачал головой. – А вот про Хозяйку ты для смеха упомянул или веришь в ее существование всерьез?

– Вообще, если по правде, то в ее владениях о ней лучше не говорить – ни плохого, ни даже хорошего, – приглушив голос, посоветовал Николай. – Шутки с ней плохи. Но это что касается горы. А вот само это место, эта долина... Это что-то! Мне от стариков слышать доводилось уже не раз, что эта долина репутацию имеет недобрую. Сюда в одиночку вообще ходить не советуют. Время от времени тут обязательно кто-нибудь пропадает без вести. Последний раз в прошлом году пропала женщина, местная травница. Пошла на сопку собирать лечебные травы – а их там много, – и больше ее никто не видел.

– Может, хищник на нее напал какой-нибудь? Или, там, провалилась в какую-нибудь расщелину? – предположил Гуров.

– Все может быть... – Николай пожал плечами. – Хотя она местная, тут каждый кустик знала... Так что Кардана давайте лучше здесь подождем.

– Давайте подожд... – начал было говорить Стас, но закончить не успел.

Именно в этот момент из темени норы с душераздирающим криком вдруг выскочил Гришка-Кардан.

Его позеленевшее лицо было перекошено ужасом. Вопя что-то непонятное, он бежал куда-то прочь, не разбирая дороги. Опера тут же ринулись следом за ним и после непродолжительной погони сумели его поймать и повалить на землю, хотя сделать это было не так-то просто. Пребывая в каком-то чрезмерно возбужденном состоянии, Кардан яростно вырывался из их рук, являя прямо-таки нечеловеческую силу. Защелкнув на его запястьях браслеты наручников, Гуров и Крячко посадили задержанного на камень и разжали руки. Кардан орать перестал, но съежился в комок, дрожа, как на сильном морозе. Опасливо поглядывая на каменную нору, откуда он только что выскочил, Гришка пытался что-то сказать, но вместо слов произносил лишь нечто отрывисто-нечленораздельное, наподобие: «Быг-гы-тре-мма-дивв-дивв-дая-вжж-жу-ххи-дое...»

Подошедший к ним Николай некоторое время вслушивался в словесную абракадабру Кардана, после чего негромко заметил:

– По-моему, он хочет сказать, что встретил в пещере чуть ли не самого дьявола...

– Ак-га! Ак-га! – услышав его, усердно закивал задержанный. – Дяв... Дяв... Дяфбол... Там, там... – указал он скованными руками в сторону пещеры.

Опера переглянулись и разом обернулись к пещере. Неожиданно Стас произнес:

– О! Гляди-ка! Там, у входа, вроде какая-то тень промелькнула... Ты не заметил? – он вопросительно взглянул на приятеля.

Лев, чуть пожав плечами, отрицательно качнул головой.

– Не заметил... Скорее всего, тебе показалось, – махнул он рукой.

– Кстати, а тот чудик из Кряжунова не ошибся – Кардан и вправду похож на Рейгана! – рассмеялся Стас. – Правда, росточком пониже. О, приколы!.. Слушай, ну а все-таки чего он мог в пещере напугаться?

Гуров задумчиво наморщил лоб:

– Вполне вероятно, там скапливаются какие-то токсичные газы, которые вызывают расстройство психики. Отсюда и всякие галлюцинации. Помнишь же, как во времена лихих девяностых бомжи на проспекте Космонавтов в своем подвале видели бесов и вурдалаков?..

...Это и в самом деле была занимательная история. Участковый уполномоченный с не совсем обычной фамилией Апостолов, проходя мимо входа в подвал старой пятиэтажки, увидел, как оттуда выбегают охваченные ужасом его обитатели – столичные бомжи. Начав выяснять, что же их (с точки зрения обывателей – абсолютно неприхотливых и совершенно бесстрашных людей) так напугало, он узнал о том, что в обиталище лиц без определенного места жительства появились inferнальные сущности. Будучи человеком, начисто лишенным каких-либо предрассудков, Апостолов спустился в подвал. Там он ощутил какой-то непонятный, странный запах. Это его заинтересовало. Он стал выяснять, кто в этом доме живет и чем занимается.

И тут он обнаружил, что подвал-то, оказывается, перегороден пополам. В одной, неблагоустроенной половине обитали неприкаянные бедолаги, а вот в другой... Там, как оказалось, размещался небольшой хозмаг, который был прикрытием для секретной лаборатории по производству синтетических наркотиков. Наркодельцы не учли того обстоятельства, что испарения производимого ими зелья просочатся в другую половину подвала, вызвав у бомжей сеансы наркотических «мультиков». Выяснив все это, Апостолов позвонил в угрозыск, и на проспект Космонавтов тут же прибыла опергруппа наркополицейских. В задержании пытавшихся скрыться наркодельцов принимали участие и опера Гуров с Крячко, оказавшиеся неподалеку. В ходе расследования выяснилось, что наркошарашку организовали двое коммерсантов с высшим химическим образованием. За полгода своей деятельности эти дельцы успели нахимичить более трех центнеров отравы. Трудно сказать, сколько молодых жизней было бы загублено, если бы их не остановили...

– А-а-а, помню, помню... – Стас ностальгически улыбнулся. – Было дело, было! Но не хочешь же ты сказать, что и здесь кто-то чего-то химичит?

Чуть подумав, Лев предположил, окинув взглядом вершины сопок:

– Наверное, теоретически это возможно, но-о-о... Слишком маловероятно. Скорее всего, чего-то «нахимичила» сама природа. Так что нам с тобой ловить в этой пещере нечего. Разве что мы можем дать информацию об этом странном объекте нашим аномальщикам? Вот для них это было бы настоящим подарком судьбы. Ну что, гражданин Кордобин, оклемался? Все, хватит рассиживаться, подъем! Возвращаемся в Евмель...

И они снова, теперь уже вчетвером, зашагали в гору. Несколько опаматовавшийся и пришедший в себя Кардан шагал с безразлично-кисловатым выражением лица. Заметив, что он перестал ежиться и стал выглядеть несколько бодрее, Гуров решил использовать время пути для допроса, который в условиях неформальной, в чем-то даже доверительной обстановки мог бы оказаться более эффективным, нежели собеседование в служебном кабинете.

– Скажите, Кордобин, а почему прятаться от полиции вы решили именно у сопки Рудничной? – как бы невзначай поинтересовался он.

Уже вполне членораздельно Кардан пробурчал в ответ, что вообще-то скрыться он собирался в другом месте, с другой стороны этой сопки, где до сих пор сохранилось множество старинных копей, соединенных штреками и всякими иными подземными галереями.

– ... Там и с собаками хрен бы меня сыскали! – добавил он. – В тутошних краях даже дети малые знают, что, если надо где-нибудь надежно схорониться, беги к Рудничной. Я в эту чертову нору и полез только потому, что вы уже были на хвосте и времени у меня не оставалось.

– А раньше в этой пещере бывать доводилось? – поняв замысел Гурова, тоже как бы невзначай поинтересовался Крячко.

– Нет, видел ее впервые... – Кардан отрицательно мотнул головой. – Эти места я знаю неплохо. Зимой тут не раз бывал на охоте. Но этой норы не замечал ни разу. Она как будто специально для меня открылась...

– И что же такого страшного там привиделось? – с простодушным любопытством в голосе снова спросил Лев.

– Что... Если существует дьявол, то это был именно он! – с дрожью в голосе выдохнул Кордобин. – У-у-у... Жуть! Острые козлиные рога, глаза красные, кошмарная клыкастая пасть, лапы вот с такими когтями... – он отмерил рукой, какой именно длины были увиденные им когти.

– Понятно... – резюмировал Гуров. – В пещере тухлыми яйцами не пахло? Во рту не было ощущения съеденного чеснока? – уточнил он.

– Д-да-а, было и то, и то... – закивал Кардан.

– Все понятно, – заключил Лев, ступив на вершину сопки и окинув взглядом уральские просторы. – Скорее всего, в пещере скопились сернистые соединения, наподобие сероуглерода и сероводорода. Вот они и стали причиной психического расстройства и появления галлюцинаций. А их характер определило состояние психики. Все-таки убить ни в чем не повинного человека и покушаться на убийство сотрудника полиции – это не просто так, это тяжкий груз, лежащий на совести... Тут и без токсикоза черти будут сниться!

Некоторое время о чем-то поразмышляв, Кордобин неожиданно возмутился:

– Гражданин начальник! Это вы о каком убийстве? Да, я стрелял в этого дурака Мухосолова, который давно уже с потрохами продался торговцам дурью... Он и пришел-то ко мне, я понял, чтобы слупить должок...

– О каком должке речь? – прищурился Станислав.

Морщась и без конца вставляя «ну», Кардан нехотя рассказал, как, будучи в Бурге, он согласился перекинуться в картишки с некими деловыми людьми. Происходило это в «крутяцком кабаке, типа блат-хаты». То, что его всей кодлой решили «обуть», Гришка понял сразу – он и сам был неплохим спецом по части подтасовок. Но его визави оказались настоящими асами по шулерской части. И когда стало ясно, что он рискует проиграться до полного банкротства, Кардан пустил в ход свой коронный карточный прием. И все вроде прошло как по маслу, но тут его оппоненты (еще то воронье!) просекли, что он их пролохотронил. Его проигрыш объявили не отыгранным, да еще и назначили, так сказать, штрафные санкции. Кордобин теперь должен был вдвое больше проигранного. Под давлением «асов» ему пришлось с вменным долгом согласиться. Но где взять бабок?

И вроде бы не так давно вариант погасить карточный долг у него появился. Какой? Это не важно. Главное, не выходящий за рамки УК РФ, век воли не видать. Но тут прямо к нему «на хазу» сегодня заявился старлей Мухосолов и начал прессовать, типа: что же ты, босюра, долги не гасишь, падло? И к тому же куды дел взятую в Кряжунове у археочкариков рарюху? От такой борзоты Кардан, можно сказать, охренел. Его тонкие, чувствительные душевные струны были оскорблены грубыми, нахрапистыми хапалками скурвившегося старлея. И он, не

выдержав подобного оскорбления, можно сказать, в порыве праведного гнева, выхватил случайно оказавшуюся в кармане «пушку» (откуда она там взялась, он даже и не представляет!) и пару раз шмальнул в зарвавшегося беспредельщика. Причем, даже будучи на полном нервном взводе, Кардан стрелял не просто так, а точно и аккуратно, чтобы старлей прямо тут же не отправился в свой ментовской ад...

Выслушав его жаргонно-эмоциональное повествование, Гуров без тени улыбки, в чем-то даже сочувственно, уточнил:

– То есть Мухосолов даже не упомянул про убийство жителя Кряжунова Юрия Кисляева? Его больше интересовала «рарюха» – предмет, найденный археологами-палеонтологами? Хм-м-м...

– Чего-чего? Дядь Юру Кисляева убили? – с недоумением на лице уточнил Кордобин. – А-а-а... Кто и за что?

– Тебе, наверное, лучше знать! – не тая сарказма, обронил Стас. – Ты еще скажи, что об этом вообще ничего не знаешь и слышишь об этом впервые.

– Гадом буду – первый раз слышу! – с вполне искренним недоумением подтвердил Кардан и даже стукнул себя в грудь руками, скованными браслетами наручников. – Бли-и-и-н! Убили его, значит...

При этих его словах опера молча переглянулись. В глазах обоих сквозила досада – пролет! А Кордобин, посопев носом, продолжил:

– Да, два дня назад я его видел, вечером к нему в его сторожку заходил. Спрашивал, мол, не находили тут ребята каких-нибудь хороших камешков? Он даже посмеялся: Гриша, какие камешки? Тут начальство чуть ли не день и ночь бдит, чтобы кто-то из работяг чего-то ценного не пустил налево! Ну и все... Я прямо оттуда двинул на трассу и попутками доехал до Бурга. Там... Гм-гм... – Немного помявшись, Кардан признался: – В одной хазе хорошо пощипал фазанов. Бабла с них взял нормально, на большую часть долга хватило бы. Я сегодня только утром вернулся. Еще и подумал: малость пощипаю тутошних, евмельских буржуйчиков и тему с долгами закрую. И все было бы путем, если бы не приперся этот придурок и не начал наезжать бульдозером...

– А каких-нибудь посторонних, приехавших со стороны, в лагере археологов... Точнее, палеонтологов, не замечал? Или там в Кряжунове, в Евмели? – Гуров изучающе взглянул на Кордобина.

– Да-а-а... как бы нет... – Кардан с напряженной миной на лице, судя по всему, что-то пытался припомнить, но, как видно, это ему не удалось. – Гражданин начальник, а если что-то дельное припомню, мне срок за старлея скостят?

– Конечно, решать будет суд, но если и в самом деле что-то стоящее припомнишь, то тогда я сам замолвлю словечко... – пообещал Гуров.

– Заметано, начальник! – обрадовался Кордобин. – Мозги наизнанку выверну, но, бог даст, че-нить да припомню...

– Припоминай... – согласился Лев, давая ему свою визитку.

...Оставив Кардана в КПЗ, Гуров и Крячко уведомили Зюмеля о том, что данный гражданин задержан в рамках уголовного дела о покушении на жизнь сотрудника полиции (как оказалось, Мухосолов, хоть и пребывал в тяжелом состоянии, но имел все шансы выжить). Однако факт возможной причастности Кордобина к убийству Юрия Кисляева у сотрудников главка вызывал большие сомнения. По их мнению, убил сторожа кто-то пока совершенно неизвестный.

– Ох, елочки-сосеночки! – покачав головой, сокрушенно вздохнул главный евмельский полицейский. – Какая досада! Вроде все уже решилось – есть подозреваемый, дело раскрыто... А теперь что? Опять все сначала? Скажите, а вот ваша уверенность в том, что Кордобин, ско-

рее всего, к убийству непричастен, она на чем-то основывается? На каких-то фактах, чьих-то показаниях, уликах?

– На жизненном и профессиональном опыте, на знании людей, на интуиции, в конце концов... – чуть заметно улыбнувшись, Лев слегка пожал плечами.

– Интуиция... – саркастически произнес Зюмель. – Хм-м-м... Ну вот я сижу перед вами. Можете, опираясь на свою интуицию, установить, что именно меня сейчас заботит и беспокоит?

Переглянувшись, приятели обратили на него свои внимательные, изучающие взгляды. Судя по тому, как забегали глаза Зюмеля, он и минуты не прошло, как уже пожалел о том, что предложил гостям из столицы «квест» подобного рода. Изучение его лица гостями длилось не более пары минут. Когда Зюмель уже готов был объявить, что его предложение всего лишь шутка, Гуров, слегка качнув головой, негромко заговорил:

– Да, беспокоит вас многое. В бытовом плане есть внутреннее недовольство своим материальным положением. В плане служебном – кто-то из подчиненных пытается вас подсидеть. Он уже нашел достаточно сильных покровителей и в ближайшее время может сместить вас с этой должности. Ну и последнее. Ранение Мухосолова вас огорчило прежде всего тем, что у вас с ним есть какие-то общие дела. Причем его компаньонов вы не знаете, и, если он не выживет, вы понесете определенные убытки. А еще... А еще он «курирует» неких коммерсантов, и об этом в любой момент могут узнать в службе собственной безопасности.

– А еще вас шантажирует некая молодая сотрудница вашей же «конторы», что превратило вашу жизнь в сущий ад... – интригуяще приглушив голос, добавил Крячко.

Мигом взмокший, покрасневший, как после парной, подполковник провел растопыренной ладонью по лицу и ошарашенно спросил внезапно осипшим голосом:

– Но-о-о... Каким образом, откуда вам все это известно?! Коллеги, вы явно конкуренты Кио и Копперфильда. Да-а-а... Я о вас наслышан, но реальность превзошла любые ожидания. Добро! Если уж вы так хорошо видите прошлое и настоящее, то, может быть, сумеете заглянуть и в будущее? Может быть, подскажите мне, что я должен сделать, чтобы не утонуть во всех этих проблемах?

Без тени улыбки, даже с некоторым сочувствием в голосе, Гуров все так же негромко произнес:

– Самое простое и надежное – срочно подать в отставку. Через месяц о вас забудут. Сейчас вы на острие, а потому вам очень трудно позавидовать.

– Да, да, да... – рассеянно произнес хозяин кабинета, глядя куда-то в пространство. – Самый простой и самый надежный выход... Кстати, а насчет молодой сотрудницы вы сами догадались или кто-то уже успел рассказать? – доверительно поинтересовался он.

Опера снова переглянулись.

– Видите ли... – Стас загадочно улыбнулся. – Некоторые дамы имеют обыкновение оставлять следы своей губной помады на одежде близких им мужчин. Они как кошки, которые метят свою территорию. На воротничке вашей рубашки пусть и чуть приметный, но, тем не менее, достаточно характерный след светлой губной помады, свойственной молодежи. На вашем безымянном пальце правой руки обручальное кольцо. Вы, я так понимаю, специально демонстрируете свою приверженность семейным ценностям. Но, судя по характеру следа помады, можно сделать вывод, что некая очаровательница достаточно агрессивно предъявляет на вас свои права. Ясное дело, раем такую жизнь не назовешь.

Зюмель развел руками и тяжело вздохнул. Похоже, он был сражен детективными талантами гостей.

...Выйдя из райотдела, Станислав негромко резюмировал:

– Бедный Зюмель! Он не рубит даже в самых элементарных вещах. Пусть уходит на пенсию. Так от него хотя бы вреда убавится. Уверен – пользы с него, сколько он работает, было как с козла молока.

Вместо ответа, усмехнувшись, Лев согласно качнул головой и, немного помолчав, добавил:

– Да-а-а-а... Как ни верти, а дела-то наши хреновые! На данный момент у нас нет ни одного реального подозреваемого, нет даже хотя бы какой-то более-менее дельной версии. Обычный вариант расследования не сработал. Значит, как сказал вождь мировой революции, мы пойдем другим путем.

– И какой же путь мы выберем, дорогой товарищ Ильич? – копируя то ли Троцкого, то ли Дзержинского, уточнил Стас.

– Ну, понятное дело, в Женеву или там Лондон не поедем. А вот к палеонтологам сегодня еще раз наведаться нам придется... – вздохнув, Гуров широко развел руками.

– Слушай, ты на время глянь! – расширив глаза, несколько даже возмутился Крячко. – Солнце уже на полпути к закату. Тут отдохнуть бы – весь день на ногах. От того обеда, которым нас угостили, после пробежки по сопкам уже давно не осталось даже воспоминаний.

– Твои предложения? – лаконично поинтересовался Лев.

– Предложения? – переспросил Стас. – Элементарно! Найти достаточно приличный угол, хорошенько подкрепиться и хорошенько отоспаться. Мы в поезде, когда ехали сюда, толком-то не отдохнули! Весь день хожу зеваю...

– Хорошо! – Лев приятельски улыбнулся. – Значит, сейчас ты идешь, ищешь ночлег и ужин.

– А ты? – насторожился Стас.

– А я? Я поеду к палеонтологам, – поправив на плече ремень дорожной сумки, простецки пояснил Лев.

– Вот какой же ты вредный человек! – с упреком в голосе бросил Крячко. – Прекрасно знаешь, что я поеду тоже... Ладно, давай вызовем такси.

Гуров достал телефон, но в этот момент откуда-то из-за угла вдруг вынырнула чем-то уже знакомая «Нива».

– Ого! – одновременно и удивился, и обрадовался Станислав. – Это Санек Соломин. Точно он! Ну все... Гарантия, что ужин нам уже обеспечен.

– Повезло тебе, товарищ халявщик! – добродушно рассмеялся Лев, глядя на направившуюся в их сторону машину.

– И снова – здравствуйте! – остановившись рядом с ними, из окна авто широко улыбнулся Соломин-младший. – А я решил съездить в гастроном. За хлебом там, масла постного жена купить поручила... Гляжу – вы идете. О, думаю, а я уже собирался ехать вас искать. Прошу в карету! Ужин вас уже ждет.

– Ого! – шумно втянув носом воздух и издав плотоядное с придыханием «а-а-а-а-а!», Крячко вскинул вверх большие пальцы обеих рук.

– Саша, – голос Гурова был задумчив и деловит, – ужин – это замечательно. Но нам бы снова попасть в Кряжуново еще до заката солнца. Такое, надеюсь, возможно? А еще до этого нам надо бы встретиться с местными докторами, которые, я надеюсь, провели осмотр тела убитого.

– Конечно! – Насколько это позволяла кабина, Александр изобразил размашистый жест: – Прошу садиться. Все будет в полном ажуре.

Завернув в местную райбольницу, опера разыскали здешнего патологоанатома – хмурого гражданина годами под пятьдесят (а каким еще мог быть тот, кому судьба предписала возиться с покойниками?!). Узнав, с каким вопросом к нему прибыли столичные сыщики, «служитель Танатоса» хмуро кивнул и вкратце рассказал о потерпевшем, доставленном в морг из Кряжу-

нова. По его словам, единственное травматическое повреждение на теле старика (если бы не это, то тот мог бы жить не меньше чем до ста!) было на голове, между виском и теменем. Насколько это можно было понять, сторож сзади схватил неизвестного за ворот рубашки или куртки, а тот, извернувшись, не глядя ударил его по голове ребром длинной, плоской железяки. Например, это могла быть автомобильная монтировка. Удар оказался очень резким – монтировка проломила кость черепа, затронув височную часть. Смерть потерпевшего наступила мгновенно.

...Сразу же из больницы Александр повез оперов к себе домой. После ужина в кругу его семьи (старший сын Александра, Илья, – большой поклонник Семенова, Конан-Дойля, Агаты Кристи и других детективщиков, после общения с гостями из Москвы объявил, что пойдет учиться только на сыщика, чтобы стать как дядя Лева и дядя Стас), приятели отбыли в Кряжуново, по пути завернув на АЗС. Теперь уже Гуров и Крячко, в порядке «алаверды», под самую «завязку» заправили «Ниву».

Не менее лихо, чем утром, руля по лесной дороге, Александр рассказывал им последние городские новости:

– ...Мухосолова в реанимации вроде выходили. Жить будет. О-о-о, к нему сегодня в клинику такие крутые чуваки приезжали, на таких крутых тачках!.. Сначала двое вот в такенных шляпах приехали на «Лексусе». Потом еще двое, тоже в прикиде «от кого-то», прикатили на «Бентли»... Ну, наши сразу сказали: наркомафия приехала проведать своего агента. А еще, говорят, любовница Зюмеля послала его на все четыре стороны. Он же только что, говорят, подал рапорт об увольнении. Почуял старый лис, что запахло жареным...

– Во дают! Ну, у вас тут народ! Английской разведки не надо. Все обо всем уже знают, все обо всем уже в курсе дела! – восхитился Стас. – Может, уже знают и о том, кто виновник происшествия в лагере палеонтологов?

– Нет, Станислав Васильевич! Этого не знают. Но-о-о... Но предполагают, что там побывал какой-то чужак. – Александр авторитетно покачал головой: – Наши, местные, на Семеныча руку поднять не посмели бы. Даже тот же самый Кардан. Нет, нет! Я уверен, что тут побывал кто-то чужой.

Когда «Нива» остановилась возле «штабного» вагончика лагеря палеонтологов, его обитатели радостными возгласами встретили прибывших. Судя по их эмоциональному настрою, им было очень интересно узнать, что нового успели «накопать» столичные опера. Даже сообщенная ими информация о том, что реального подозреваемого найти все еще не удалось, никого не огорчила. Уже то, что всего за день сыщики сумели не только разобраться с виновностью-невиновностью Климца, да еще и задержали Гришку-Кардана, ученых обрадовало и воодушевило.

– ...Ну а с нами-то что? – неожиданно вспомнил Роман Михайлович. – Мы все еще под подозрением?

– Нет, нет! Понятное дело, с вас все подозрения уже сняты, вы вольны оставаться здесь или немедленно уехать, куда только вам захочется, – простецки, без малейшего пафоса объявил Лев.

– Ура! – отреагировали на это сообщение члены экспедиции.

Но при этом никто из них даже и не подумал начать сборы в дорогу, чтобы немедленно уехать из этой глуши. На недоуменный вопрос Стаса: «А что же вы не идете паковать вещи?» – палеонтологи пояснили, что им, в общем-то, уезжать в данный момент нужды особой нет.

– ...Понимаете, – пожимая плечами, пояснил профессор Рябинин, – одно дело, когда ты в данном месте остаешься по принуждению, и совсем другое – когда остаешься сознательно, из научной необходимости. Видите ли, сегодня днем мы нашли очень перспективное место для раскопок. В толще галечника Аня обнаружила фрагмент скелета вообще непонятного существа. Единственное, что я смог определить, – это фалангу пальца передней конечности суще-

ства, которое предположительно вело земноводный образ жизни. Навскидку ему примерно сто – сто пятьдесят миллионов лет. Да-а-а... Данная территория – настоящий кладёз палеонтологических сокровищ. Что-то мне подсказывает, что здесь нам суждено найти очень много чего-то невероятного, не вписывающегося ни в какие официальные догматы.

– А мне что-то подсказывает, что вышестоящие коллеги в очередной раз отвесят вам большую порцию, условно говоря, колотушек... – с уважительным сочувствием резюмировал Гуров.

– Да, Лев Иванович, не исключено и такое! – Профессор от души рассмеялся. – Но в этом-то и заключается суть настоящей науки – невзирая ни на какие преграды, препоны, прорываться через тернии к звездам! Эх, если бы вам удалось найти изваяние «кузнечика»... – вздохнув, покачал он головой.

– Вот этим-то мы и будем сейчас заниматься, – окинув взглядом членов экспедиции, деловито произнес Лев. – Поскольку по ряду причин установить личность преступника обычным порядком нам не представилось возможным, попытаемся его «вычислить» по-другому, исходя из постулата древнеримского права – «кому выгодно?». И в этом будет нужна ваша помощь. Вы упомянули о том, что в научных кругах, как России, так и международных, есть определенные силы, которые не разделяют вашей точки зрения на историю Земли. Вы об этом можете рассказать более подробно?

– Да, конечно! – охотно кивнул Рябинин. – Сколько угодно!

По словам профессора, положение дел в науке, когда одни ученые, что называется, «рвут постромки», изыскивая все новые и новые объекты исследования, самим фактом своего существования опровергающие устоявшиеся научные догмы, а их коллеги яро отстаивают позиции железобетонного консерватизма, сложилось не вчера и уйдет в небытие не завтра. Сколько было сломано копий вокруг того, какую именно форму имеет наша планета – плоскую или шарообразную? Сколько было казнено вольнодумцев, доказывавших, что Земля – шар, летящий вокруг Солнца в космической пустоте? Сколько ошельмовано тех, кто утверждал, что заразные болезни вызываются невидимыми глазу существами – вирусами и микробами? Всего каких-то лет сто «с гаком» назад, в уже, так сказать, просвещенные времена, Парижская академия наук приняла решение с порога отвергать факты падения метеоритов, поскольку, считали французские академики, камни с неба падать не могут...

То же самое присуще, в частности, и биологии, и исторической науке. Некие представители разных наук, которых по каким-то шаблонным «маркерам» признали корифеями, например, европейские и всякие иные властители, на основании тех или иных письменных источников составили определенный реестр исторических событий. Этот «поминальник» дат и фактов был как бы канонизирован, признан абсолютно верным, а потому непогрешимо-незыблемым. И с тех пор всякий, кто пытался доказать неточность каких-то дат, подвергал сомнению подлинность тех или иных исторических фактов, встречал очень жесткий отпор тех, кто получил, по сути, должность «охранителей» кем-то канонизированной истории.

– ...Наука, ставшая закостеневшей догмой, развиваться не способна! Из двигателя прогресса она превращается в его тормоз, – Рябинин говорил, глядя на плывущие в вечернем небе облака. – Скажем, ядерная физика – наука очень динамичная, быстро развивающаяся, достаточно благосклонная к инновациям. И вот результат – благодаря этому мы уже имеем высокие шансы овладеть управляемым термоядерным синтезом. А теперь возьмем историческую науку. Она невероятно консервативна, причем в ней «законсервирована» масса ложных фактов, совершенно не соответствующих действительности. И это не только у нас, но и во всем мире. Вы слышаны о так называемой «норманнской теории»?

– А! Это про то, что русские когда-то призвали на княжение варягов, поскольку у самих типа не хватало ума, как править своей страной? – коротко хохотнул Станислав.

– Да! Это же наглая, бессовестная фикция, придуманная западноевропейскими «учеными» по заказу правящих верхушек Англии, Франции, Германии, Польши... – при этих словах профессор решительно рубанул рукой. – Ее предназначение – убедить население «варварской» России в том, что исторически они никто и звать их никак! Кстати! Слово «варвар» появилось у римлян после их знакомства с древними готами, но никак не со славянами. Разговаривая между собой, готы без конца использовали слова «вир», «вер», «варум»... А римлянам слышалось нескончаемое: вар-вар-вар-вар... Вот они и прозвали готов «варвары». Так что к русским это слово отношения не имеет никакого. И вот такой наукообразной «липы» в русской истории – с избытком. Но современный вариант истории охраняется целой армией научных сотрудников самых разных уровней, которые своими диссертациями застолбили право быть охранителями властвующего в каждой стране того или иного варианта истории. Так вот! Вы уж простите за такое длинное предисловие, но без него понять суть наших проблем не получится...

По его словам, и палеонтология, и особенно археология на себе слишком часто испытывают излишнюю заданность и зашоренность представителей исторической науки из числа «охранителей» догм. Он напомнил о том, сколько было случаев обнаружения самых невероятных артефактов, которые «охранители» принимали в штыки и успешно «хоронили» в каких-то архивах или запасниках музеев («Или в своих карманах...» – слушая профессора, сурово предположил Крячко).

И вот, исходя из этого, становится понятным, почему многие коллеги Рябилина так жестко «отфутболили» его сообщение о находке невероятного артефакта. Да потому, что если признать его реальность, если признать его подлинным символом давно ушедшей эпохи, то тогда в мусорные контейнеры нужно будет отправить целые штабеля диссертаций, сдать в макулатуру горы научных трудов. Поэтому неудобный артефакт нужно замолчать, заболтать, оболгать, скрыть от мира, а может, даже и уничтожить, чтобы тысячи ученых мужей и дам могли облегченно перевести дух и жить дальше в прежних исторических координатах ложных знаний и фальшивых фактов.

– ...Вы в курсе, что в китайской и монгольской мифологии есть сюжеты, связанные с загадочными существами, прозванными «богомологоловыми» или «саранчой из-за предела»? В одной из китайских провинций была обнаружена пещера с вырезанными на стене фигурами не только людей, но и совершенно невероятных существ. Например, неких членистоногих, имеющих тот же рост, что и фигурки людей. А еще в Монголии и Китае были обнаружены вырезанные из нефрита, оникса и яшмы фигурки антропоморфных существ с головой богомола. Их возраст около пяти тысяч лет. Если спросить, что это такое, то ответ большинства ученых может быть только один: у древнего мастера, понимаете ли, разыгралась фантазия...

По словам профессора, очень трудно объяснить обнаружение на территории Древней Месопотамии большой линзы, выточенной из горного хрусталя. Кто, для чего и как именно ее выточил? Об этом – молчок! Хотя даже при нынешних технологиях сделать такую вещь очень непросто. Никто не знает, что сказать по поводу найденных на раскопках аналогов древних гальванических элементов, а также аналогов механических счетных машин. Их тоже замалчивают.

Дескать, а зачем о них говорить? Есть же официальная история! Не исключено, что именно «охранители» самых разных разновидностей и сортов полторы тысячи лет назад сожгли настоящую сокровищницу знаний Древнего мира – Александрийскую библиотеку, погубив многие тысячи бесценнейших манускриптов. Ну а их нынешние последователи стараются замолчать очевидное и заткнуть рот всякому, кто имеет мнение, не совпадающее с их, единственно «правильным» и «верным»...

– Да-а-а, картина вовсе не радужная... – философично констатировал Гуров. – Исходя из рассказанного вами, настоящий ученый должен быть чем-то вроде тех же самых Прометеев

или Данко. Кстати, помнится, оба эти героя за свои убеждения и добрые дела довольно жестоко пострадали. Вот и вы, Роман Михайлович, я гляжу, уже сейчас оказались на острие нежелания вас понять. Честно говоря, я даже не предполагал, что в, так сказать, царстве науки столько интриганов, фальсификаторов и даже откровенных мошенников. Но они, в чем я теперь убедился, есть. И тогда, рассуждая логически, следует предположить, что именно кто-то из «охранителей» заказал похищение найденного вами артефакта. Ну а убийство Юрия Семеновича стало сопутствующим событием, надо думать, случайного характера.

– Да, скорее всего, так это и было, – вздохнув, согласился профессор.

– Тогда перейдем к конкретике... – Гуров несколько свел брови к переносице. – Мне нужны фамилии ваших наиболее одиозных оппонентов. Начнем работать с ними.

Этот вопрос Рябинина заметно озадачил. Он вопросительно взглянул сначала на Стаса, потом на Льва и осторожно поинтересовался:

– Лев Иванович, вы собираетесь их допросить? А не будет ли моя информация о них... м-м-м... чем-то похожим на злонамеренное стукачество? Ну как это было принято в известные нам с вами времена?

На это Гуров ответил понимающей улыбкой.

– Роман Михайлович, по-вашему, я похож на Берия? – шутливо поинтересовался он. – Ну, разумеется, мы не планируем кого-либо вызывать на допрос в наш главк, оказывать давление и выбивать признание. Это было бы не только глупо и аморально, но и контрпродуктивно. Да, если бы я хотел провалить это расследование, то именно так и поступил бы – в духе той самой поры. Но мы со Станиславом Васильевичем всегда сначала думаем, а потом уже что-то предпринимаем.

– Не волнуйтесь, Роман Михайлович, мы свое дело знаем «на ять», – ободряюще подмигнул Крячко.

– Ну, хорошо... – прерывисто вздохнул профессор. – Мой главный, я бы даже сказал, пожизненный оппонент – академик Игорянец Эдуард Константинович. Знаете, есть такое выражение: «мой личный злой гений»? Вот его я и мог бы назвать своим пожизненным «злым гением». Он уже не раз становился у меня на пути. Еще в ту пору, когда я делал свою докторскую диссертацию, он мне усердно ставил палки в колеса. Он делал все возможное и невозможное, чтобы я не получил звание профессора. Когда ему это не удалось, говорят, он был очень разочарован и даже крайне раздражен.

– А в чем же вы видите причины такой яркой неприязни с его стороны? – осторожно подбирая слова, осведомился Стас.

На лице профессора промелькнуло что-то лирически-ностальгическое.

– Знаете, мне кажется, изначальная причина тут самая простая и даже банальная – зависть и ревность... – Рябинин немного помолчал и продолжил: – Расскажу вам такую историю. Более тридцати лет назад в тогдашнем Свердловске состоялась международная конференция палеонтологов. На ней председательствовал в ту пору еще не академик, а кандидат наук Игорянец. Почему именно он – не знаю. Вот... И случилось так, что из Италии приехала молодой ученый Ольга Капурелли, кстати, она из Трубецких. Наши с ней места оказались рядом, Ольга мне очень понравилась. Но, как я мог заметить, приглянулась она и Игорянцеву. И он сделал все возможное, чтобы добиться ее взаимности. Однако его ждало полное фиаско – она выбрала меня... С тех пор я у него в самом черном из всех черных списков. Это далекое от науки событие, я так понимаю, и стало своего рода запалом к бомбе нашей с ним взаимной неприязни. И если я всего лишь не приемлю его научных взглядов, то он, как я понимаю, питает ко мне как человеку ненависть на зоологическом уровне.

– А сейчас эта Ольга где? Что с ней стало? – почему-то озадачился Крячко.

– Ну как – где? Мы с ней поженились, – чуть пожав плечами, пояснил Рябинин. – У нас дети – сын и две дочки. Она сейчас дома, с детьми, в Екатеринбурге, преподает в университете...

– Вечный сюжет: женщина как яблоко раздора... – философично прокомментировал Гуров. – Роман Михайлович, я вполне согласен с версией, что Игорянцев именно из-за этой житейской ситуации, разрешившейся не в его пользу, стал питать к вам крайнюю неприязнь. Кстати, он женат?

Подумав, его собеседник отрицательно качнул головой:

– Насколько мне известно, нет. И, по-моему, женат никогда не был. Вполне возможно, Ольга могла стать его последним шансом создать семью, но... Его постигла неудача, и поэтому он решил объявить мне пожизненную вендетту...

Лев на это как-то неопределенно повел головой.

– Все это верно, но, мне кажется, причина его «вендетты» может крыться в чем-то еще, – в его взгляде сквозило некоторое сомнение. – Его статус пожизненного холостяка намекает на то, что его попытки добиться расположения гостыи из Италии стоят в одном ряду с его противодействием получению вами звания профессора. Вполне возможно, если бы вы ему уступили и расстались с Ольгой, очень скоро он бы о ней забыл. Скажите, а по каким вопросам у вас с ним были наибольшие противоречия? Из-за каких ваших взглядов, вашей позиции по тем или иным вопросам возникали самые острые конфликты?

Выслушав Льва, профессор пожал плечами:

– Да тут, куда ни ткни, какого вопроса ни коснись, у нас с ним сплошные противоречия. По поводу той же «норманнской теории» у нас с ним самое жесткое противостояние. Я ее абсолютный противник, он ее абсолютный сторонник. Ну а самые острые конфликты – по истории древнейших времен Земли и по истории человечества. Тут у нас с ним могло бы дойти до рукопашной, если бы мы столкнулись на какой-либо конференции.

– Даже так?! – смеясь, уточнил Гуров.

– Да, именно так! Он ярый сторонник опаринской теории самозарождения жизни на Земле. Он самый ярый сторонник голого дарвинизма, не учитывающего очень многих генетических аспектов эволюции живых существ. Вот и моя версия эволюции первых многоклеточных существ, согласно которой еще в протерозое на Земле уже всюду размножились многоклеточные анаэробы и грибы, вызывает у него чуть ли не истерику.

– То есть он самый ярый «охранитель» из тех, кого вы знаете? – последовал вопрос Льва.

– Да, самый ярый! – профессор энергично кивнул. – Он готов лечь костями за незыблемость научных догм. Такой, знаете, «забронзовевший» официальный авторитет, восседающий на мощной, непотопляемой платформе, сложенной из его научных трудов. Ну а я – пожизненный «возмутитель спокойствия», «ниспровергатель авторитетов». С точки зрения «охранителей», своего рода корсар от науки, без конца эпатирующий почтеннейшую научную публику то сумасбродными теориями, то совершенно неуместными открытиями... Да, в научном сообществе есть немало тех, кто воспринимает меня как отпетого смутьяна и шарлатана, которого должно изгнать из «храма знаний» как отщепенца и вероотступника...

– Но вы же не одиноки в этом своем научном «флибустьерстве»? – с хитрым подтекстом спросил Станислав.

– Да, о-о-чень даже не одинок! – о чем-то вздохнув, Рябинин утвердительно кивнул. – У меня был замечательный друг – Барклай Забрешный. К сожалению, уже года три как его не стало. Человек он был невероятно талантливый. Физик по образованию, Барклай разрабатывал свою теорию мирового эфира. Как же его жевали и глодали «охранители»! Думаю, это было связано с тем, что он, как мне кажется, был на верном пути. И это страшило слишком многих. Во всяком случае, тот же Запад, когда переманить Барклая к себе не удалось, тут же объявил

его полоумным псевдоисследователем. Потом вокруг Баркляя началась какая-то мутная возня. Скорее всего, его убили, хотя это было умело подстроено под тяжелый инсульт...

– Интересное имя – Барклай... – слушая его, отметил Гуров.

– Его родители были, говоря молодежным сленгом, фанатами эпохи наполеоновских войн. И вот в честь героев Бородина они назвали своих сыновей: старшего – Барклаем, в честь де Толли, среднего – Михаилом, в честь Кутузова, младшего – Петром, в честь Багратиона. Все трое пошли в науку. Барклай, как я уже сказал, стал физиком. Михаил – морским биологом, Петр – астрономом. Что интересно, после смерти Баркляя младшие резко снизили число своих публикаций в научной периодике. От Михаила я как-то слышал, что сразу после похорон их старшего брата кто-то побывал в его квартире и там все перевернул вверх дном, при этом часть его архивов пропала бесследно. Да и сейчас там не все спокойно. Жена Баркляя жаловалась, что вокруг их квартиры крутятся какие-то подозрительные личности...

Когда тема беседы иссякла, опера, посоветовавшись, решили ехать в Екатеринбург – появилась необходимость срочно встретиться с академиком Игорянцевым, который (вроде бы!) приехал из Москвы, где проживал постоянно, в свои родные пенаты. Благо Александр Соломин все это время терпеливо их дождался, прогуливаясь недалеко от «Нивы». Попрощавшись с Рябининым и его командой, Гуров и Крячко отправились в Евмель. Успев купить билеты, этим же вечером они отбыли на поезде в Бург. Стас, заняв свое место в вагоне и на скорую руку выпив чаю, тут же завалился спать.

Льву, напротив, не спалось. Неспешно попивая горячий чай, он напряженно размышлял, анализируя услышанное за день. Переваривая в голове всю сумму информации, он все больше и больше приходил к выводу о том, что наверняка каким-то непонятным и даже загадочным образом именно академик Игорянцев имеет отношение к случившемуся – и к убийству Кисляева, и к хищению артефакта. Какое именно – сказать было трудно. И тем не менее...

Неожиданно телефон Гурова запиликал старую детскую песенку о друге – звонил их общий со Стасом приятель, полковник ФСБ Вольнов. Голос Александра звучал вполне бодро, но, тем не менее, в нем ощущалась и некоторая усталость.

– Лева, привет! Ты сейчас где? Говорить можешь? – первым делом осведомился он.

Вполголоса, чтобы не разбудить Стаса, ответив на приветствие, Лев пояснил, что именно сейчас он сидит в вагоне, который везет их со Стасом в сторону Екатеринбурга.

– Ясно, ясно... Ну а что у вас на сыском фронте? Что ищем на сей раз?

Лаконичное изложение сути происшедшего в Кряжунове Вольнова несколько удивило.

– ...Ты хочешь сказать, тамошняя находка настолько древняя и настолько необычная, что ею могли заинтересоваться иностранные научные центры и тамошние спецслужбы? – уточнил он.

Покосившись в сторону похрапывающего Стаса, Гуров все так же вполголоса пояснил:

– Трудно сказать... Научные ли центры, иностранные ли спецслужбы охотились за кряжуновским палеонтологическим объектом, но факт налицо: он похищен путем взлома сейфа, а охранявший его человек убит. Вот и думай, кто заказывал и оплачивал эту «музыку». Кстати, артефакт и впрямь вещь невероятная...

Он вкратце рассказал о фантастической прочности материала, из которого было изготовлено изваяние. Услышанное Александра весьма впечатлило.

– ...Да, артефакт и в самом деле вещь уникальная, и с исторической, и с технической точки зрения. Найти его надо обязательно! – резюмировал он. – От меня какая-то помощь требуется?

– В общем-то да... Тут одного дядю «прозвонить» надо бы. Это академик Игорянцев, звать его Эдуард Константинович. Если в ваших анналах о нем что-нибудь есть, то было бы неплохо, если бы эта инфа попала к нам.

– Хорошо, Лева, сделаем! Ладно, пока будем прощаться. Стас проснется – ему большой привет.

...Гуров проснулся, когда поезд уже шел через пригороды Екатеринбурга. В вагоне уже вовсю шла утренняя суета. Растолкав Стаса (тот, невзирая ни на что, продолжал спать сном праведника), с полотенцем и гигиеническими принадлежностями Лев поспешил к санузелу, перед которым уже выстроилась небольшая очередь. Менее чем через минуту примчался и позывающий Станислав. Склонившись к уху Гурова, он доверительно сообщил:

– Ты представляешь, мне приснилось такое!..

– Об этом – чуть позже! – рассмеялся тот и поспешил в освободившийся санобъект.

Когда поезд замер перед зданием вокзала, приятели вышли на перрон и отправились к ближайшему кафе. Шагая по перрону и озирая здешнюю архитектуру, Стас поведал-таки, что же такое невероятное ему приснилось. А приснилось ему, будто он проживает не в нынешнем, не так давно наступившем двадцать первом веке, а во времена (надо же!!!) Екатерины Второй. И не просто проживает, а служит в лейб-гвардии Ее Величества. И данная персона на него, что называется, «положила глаз». Станиславу ею было назначено randevу, и поздним вечером он пришел в покои императрицы. И какой же был его ужас, когда он, подойдя к императорскому ложу, увидел там не любвеобильную царицу Катю, а... свою соседку по подъезду – настоящую домовую ведьму, и по внешности, и по характеру! Охваченный ужасом, Крячко ринулся наутек, но никак не мог найти выход из царского дворца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.